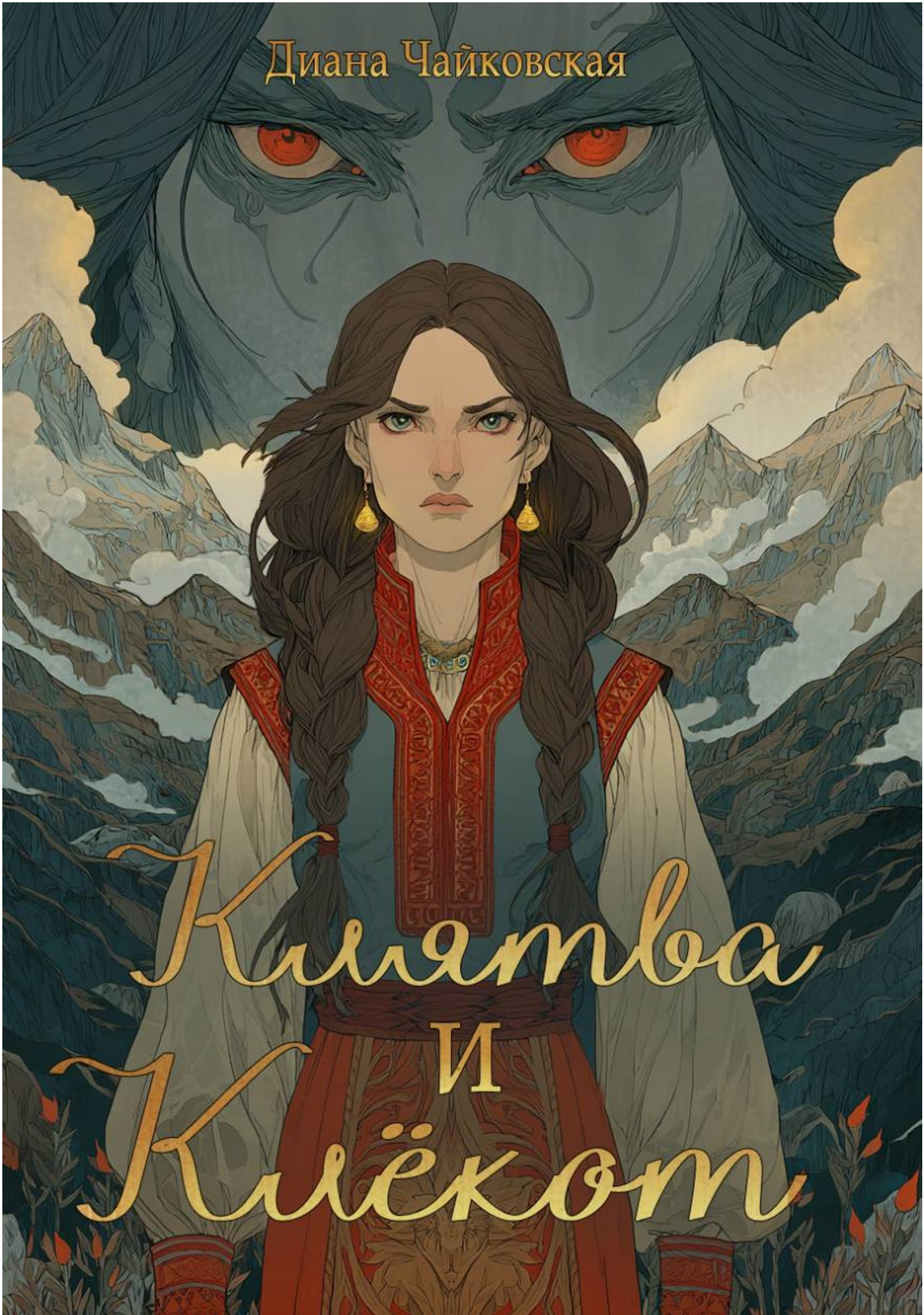

Диана Чайковская
Клятва
и
Клёкот

Диана Чайковская

Клятва и клёкот. Часть 2

«Автор»
2026

Чайковская Д.

Клятва и клёкот. Часть 2 / Д. Чайковская — «Автор», 2026

В княжествах настал мир. На полотне Мокоши появились новые нити, и одна из них - чародей Лихослав, что спрятал княжну Марью в землях Мораны.Тем временем Дербник и Зденка сталкиваются с чудовищами, которые вырвались на волю вместе с Лихославом, а Дивосил ищет чудо-траву, способную спасти людей от таинственной хвори.

© Чайковская Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
I 7
II 14
IV 29
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Диана Чайковская
Клятва и клёкот. Часть 2

Пролог

Что толку в мире, если его не увидят близкие люди?

Хорс выглянул из-под пелены туч средь бела дня, ласково улыбнулся, коснулся заснеженных крыш с резными коньками да птицами, и спрятался за кудрявыми детьми Перуна, мол, порадовал люд – и хватит, время всё же тёмное, зимнее, беспощадное.

Хотя в этот раз всё катилось зачарованным клубком по лесу, неслось не лошадьми, а волками – туда, где княжили беспорядок и мрак. Потому что приход Мораны обернулся далеко не бедой (уж точно не для Пугача), а добром, долгожданным миром, что настал – смешно сказать – с мором, а точнее – из-за него, хвори, неведомой и беспощадной.

Перед ней склонились оба княжества, со скрипом подписав берестяную грамоту. Мирояр на вечевой степени братался с Огнебужскими, а служки осыпали их зерном и приговаривали: «Радуйтесь! Радуйтесь!»

Народ-то думал иначе: люди стояли с крапивой, шиповником, полынью, показывая, сколько горечи принесла им война и что живые соседи для них сродни нечисти. Зато чуры наверняка следили за своими родами и радовались.

У Пугача воспоминания о роде вызывали тоску. Лесные оборотни давно служили Лихославу, его Хозяйке и Лешему, переходя порой грань дозволенного. Так хотели умаслить всех и сразу, что потихоньку начали приносить в жертву плохо уродившихся младенцев, чуть позже – заплутавших людей. Тёмный народ, даром что слуги Велеса! Хотя Велеса ли? С их-то верностью темноте и колючим кустам.

«Не берёзу у нас во дворах сажают, не дуб Перунов девки обнимают, все, от малого до старшого, крапиву да шиповник милуют», – говаривала мать. Она и рассказала Пугачу о Хортыни, о Гданеце – далёких городах, где чувствовалась власть всех богов, а не одной-единственной.

Пугач сбежал, когда услышал, что в Хортынь приехал посланец из столицы, да не простой человек, а перевёртыш, Велесов слуга. Он последовал за Сытником, обрубив корни. Сам того не зная, Пугач следовал воле Тёмной Матери и шёл Её тропами, пока не упёрся лбом и крыльями в Совет.

«Сладки плоды мои, а?» – насмешливо спрашивала Морана, кончиком серпа указывая на народ, что с опасением косился на князя. А Мирояр, сгорбленный и поседевший, шёл мимо и глядел невидяще. Пугач знал: все мысли его занимала Марья, но где ж её теперь найдёшь?

Он тенью брёл за боярами и купцами, под ногами хрустели семена, а по сторонам торчали колючки из-под чужих рубах и кожухов. Как будто Гданец превратился в землю мёртвых, несмотря на пшеницу и улыбки служек. А пир и вовсе напоминал тризну. Ещё бы – дорогих гостей не пустили в терем, поставили столы в гриднице, постелили новые полавочники с багряным – обережным – шитьём.

Сперва князь не хотел пировать, но бояре уговорили, мол, надо, чтобы скрепить мир и прогнать беду подальше, а лучше – в соседнее княжество. Да и про хворь собирались поговорить, чудо-траву поискать.

Пугач усмехнулся: как только прознали о том, что случилось у сожжённой Ржевицы, сразу пошли слухи. Одни говорили: надо побольше молиться и носить щедрые дары в капище, другие – что стоит поискать чудо-траву на Купалу или отправиться в далёкие земли, где якобы

сидит мудрый ворон на громадном дубе посреди моря. Да, людям хотелось найти хоть какой-то способ! Пока спасались верой в богов и чудеса, и это отчасти помогало князю.

А вот Дивосил молчал. Любомила видела его в пламени и говорила, что подъезжает к Хортыни, да только дорога нелёгкая, снежная, морозная. Скорых вестей ждать не следовало, но Пугач надеялся, верил в травника, которого отметила Мокошь. Больше не в кого.

Толпа потянулась к детинцу и принялась гулять вокруг теремов. Воспользовавшись суматохой, Пугач скрылся от чужих глаз и пошёл чёрным ходом к своей светлице, что теперь находилась неподалёку от покоев для гостей. Пусть веселятся, пьют, гуляют, а он помолится Матери да спросит Её совета.

Только Морана могла унять тревогу и успокоить. Она не обещала добра, но часто помогала понять, какой тропой идти, чтобы не напороться на ядовитые шипы или колья.

I

. Мёртвые земли

Всякое Слово есть хлеб, но не всякий хлеб является Словом

1.

В каменных сводах дышалось тяжко: смольные, холодные стены давили, сжимали за горло и не давали продышаться. А может, то была нечисть, что вилась вокруг и хватала за горло, плечи, руки, ноги, кидала из стороны в сторону или вжимала в постель, выпивая силы, точно упырь.

Поэтому Марья поднималась на самый верх и глядела на лес, которому не было ни конца, ни края. То были не дубы, не берёзы, а колючие, ветвистые деревья с вывернутыми кореньями, похожие на иву, сосну и осину разом. Ельник – иначе не скажешь, и не простой, а проклятый, ведь, кроме деревьев, больше ничего не росло – ни травинки, ни цветочка, одна земля да прелые листья кое-где.

Густые кроны упирались в серое небо. Хорс сюда не доезжал, даже плащ не виднелся вдали. Он, как и всякий бог, уважал Морану-Смерть и не смел ступить в её владения без спросу.

Посреди бескрайнего леса стоял каменный терем, всем теремам терем, побольше княжеского, с невиданными ранее крышами и узкими возвышениями, что змеями тянулись к небу и напоминали огромные когти или меч. Морана иногда появлялась, говорила с Лихославом, давала указания теням, своим верным слугам, и исчезала.

Богиня обратилась к Марье лишь однажды – когда попросила разучить ряды резов, что тянулись по стенам и лестницам терема, а после отправиться в лес и разыскать там старый дуб. Да только дуба в лесу не было, не рос он там, как всякое живое дерево. Издевалась Морана. И добавила, мол, найдёшь – сможешь уйти сама.

Не было дуба. Не мог он вырасти на мёртвой земле.

– Почему?! – едва слышно шептала Марья, когда сталкивалась с чародеем.

– Тебе надо познать Мать и дать себе имя, – спокойно отвечал Лихослав и растворялся во мраке.

Славное дельце! Безнадёжное, иными словами. Может, богине нравилось её отчаяние, может, Морана забавлялась и спасалась от тоски, а может, Марья чего-то намудрила с обрядами и ворожбой, не в том месте перешла реку Смородину, вот и наказали. Если бы только сказали правду!

Ветер прошёлся по бескрайнему лесу. Заскрипели ветви, загудела и завыла нечисть, что жила внутри деревьев. Волна воздуха вдарилась о каменные ворота и разлетелась лоскутками, оставив отголоски жизни. Быть может, то был Стрибожий слуга? Пришёл к Моране погостить да поговорить, донести последние вести.

Марья медленно вдохнула, пытаясь уловить знакомый запах. Но ничего. Всё та же горечь, которую испускали корни. Позабыли о ней боги. Вырвала Мокошь-Матушка нитку горекняжны из своего полотна, отдала в руки жестокой сестре. Не по воле ли самой Марьи богиня сделала это?

«Не томи себе душу», – она покачала головой и, ещё раз окинув взглядом чащу, пошла вглубь терема, в пылающие резами и каменьями светлицы. У Мораны даже сплетение лестниц напоминало сокровищницу заморских князей. Такое богатство Моровецким и не снилось! Цепочки золотистых чар оплетали червонные, смарагдовые, сизые кружева. Наверное, целое княжество можно было взять, забрать, как ткань у купца.

Но что Марье те каменья, когда всё вокруг – мёртвое? Ни одной живой души, кроме чародея, да и тот запропастился невесть куда. Небось ушёл чёрные дела творить или с нечистью по чаще гулять, упиваться игрищами, как бояре – мёдом и квасом.

– Знаешь, – из тени показался Лихослав, – резы – то как зори над рекою.

Она вздрогнула. Казалось, чародей вился вокруг неё злым зверем и злорадно ухмылялся, мол, попробуй пустись в бег – и поглядишь, что я могу.

Пребывание в доме Мораны сказывалось и на нём: щёки стали ещё бледнее, да и сам он напоминал мертвеца гораздо больше, чем в Хортыни. Среди людей, на живой земле хотя бы огонёк мелькал, тело согревал, а тут – будто выпили разом.

– Деревья и земля тут тоже как зори, да над той же рекою, – продолжал он вкрадчивым голосом. – В сплетения гляди, княжна, не в знаки.

– Что же у тебя, язык отсохнет, раз правду скажешь? – шикнула Марья. – Сколько можно загадки загадывать?!

– Тебе жизнь спасаю, не себе, – Лихослав пожал плечами и отступил в тень.

Ах, как захотелось накинуться да исколоть его, раскроить, залезть в самое нутро и посмотреть: осталось ли там чего человеческого или нет. Да только поздно – исчез чародей, растворился среди полумрака, оставив её наедине с защитными заклятьями. Они напоминали ей о волхвах и капище. Старцы выцарапывали их вокруг кумиров и следили, чтобы заклятье ложилось ровно, без прорезей и дыр меж резами.

Резы, обнимавшие лестницу, рассказывали о сотворении мира, о Древе, в чьих корнях находились земли Мораны, о Хорсе и Дажьбоге, которые шли по небесам рука об руку и изредка цеплялись за кроны – белоснежные облака, созданные Перуном; о полотне, что ткала Мокошь, и серпе её сестры. Чем дольше Марья всматривалась, тем сильнее подмечала незнакомые линии, а ещё были и двойные – те, что выглядели одинаково, да менялись из-за знаков рядом.

Вот сиди и думай: то ли ровная, ясная цепочка, то ли непонятная, невиданная, как болотное дно. Марья коснулась её рукой и ощутила, как текут слова рекой из самого Ирья, вьются ниточкой, что протянула Мокошь. Не это ли тонкий мост между княжеством Мораны и миром живых? Каменья-то тоже хороши и дивны, да только холодные, безжиненные. Уж за них-то точно цепляться не стоило.

Меж резами вилась нить, дрожала так, будто вот-вот порвётся. Марья осторожно потянула за неё. Страшно – вдруг лопнет? Да куда деваться. Ниточка виляла, пряталась за знаками, укрывалась паутинкой чар. И чем сильнее тянулись руки, тем быстрее.

Древо-дуб-корни-горечь-Слово.

Нить налилась золотом и превратилась в луч. Дажьбожий след заплясал вокруг Марьи и, схватит за ладони, понёс к границе мёртвых земель, туда, где пересекались луна и солнце. Среди двух рек – мёртвой и живой воды – находилась Морана. За каменным теремом богиня выглядела иначе, вдвое выше, с угольными глазами и в верхней рубахе, расшитой звёздами. На поясе сверкали травы – багряный шиповник в колючках да жгучая крапива.

– Ах, Мара-Марья, – она грустно улыбнулась и покачала головой. – Не той тропой ты пошла, милая, не в те дебри забралась.

– Не по своей воле я здесь, – напомнила Марья. – Уж больно мудрёные у вас дороги. Пойди невесть куда, разыщи невесть что…

– Но тебе это по силам, – хмыкнула Морана и достала из-под пояса серп. – А теперь не держи зла и обиды, так надо.

Что произошло дальше, Марья не поняла: сверкнуло лезвие, а затем стихло журчание рек, погасли лучи Дажьбога, исчезло и Хорсово лицо, что виднелось вдали – всё накрыла мгла, поглотила и закружила её саму.

В груди закололо, да так, что она согнулась от боли. Всё живое и теплое выталкивала из сердца чужая сила, оставляя взамен холод и злобу. Не хотела того Марья, страшно не хотела, потому сопротивлялась, вспоминала отца, Вацлаву, родной Гданец с теремами и купцами, ржаные колосья, что сыпали ей под ноги, когда становилась девкой.

Ах, как славно было под крылом отца! Медово, сытно и тепло. Ну почему, почему Мокошь и Лада не послали ему других детей? Родился бы сын, витязь и наследник – и не пришлось бы Марье переживать о судьбе княжества, взваливать на плечи непосильную ношу и ехать по холоду в безлюдную и дикую Хортынь.

И отец, такой добрый и ласковый, за один миг превратился в глупого, недальновидного. Веселился на пирах – и не думал о родной кровинушке, которой придётся не мёд хлебать, не мужа разувать[1], а челом бить перед врагами или управу на них искать. И во что оно теперь вылилось? Тысячи смертей! Хворь, идущую от самой Матери-сырой-земли!

Злоба заполонила сердце Марьи. Пропади весь мир, чтоб его! Держаться уже не за что, исчезла золотистая нить. Она вцепилась во мглу и рухнула с головой, позволив горечи и боли забраться глубоко в душу и вытеснить лоскутки света. Станет как Лихослав – и ладно. Что, чародею разве плохо живётся? Да, проспал триста лет, зато теперь ходит в шёлковом кафтане и сафьяновых сапогах по земле богов. И ни вины, ни слёз, хоть людей сгубил в обоих княжествах.

За тьмой последовал червонный всполох. Марья прикрыла глаза, боясь ослепнуть. Заскрипело, зашуршало со всех сторон, и чем громче, тем сильнее слышался шёпот Лихослава. То было злое, жуткое заклятье, что отгоняло голодную и охочую до тепла мглу.

А дальше – чей-то страшный крик. Сплетение женских и мужских голосов, объятых ужасом. И тишина.

2.

Тризна по погибшим перетекла в игрища. Дорога от Хортыни к Ржевице вся плясала и гремела. Кто не доехал до огромного погребального костра, тот остался пировать прямиком в пути. Правда, горький дым омрачал веселье, но Зденка прекрасно понимала: иначе нельзя. Души витязей должны были улететь в Ирий и остаться там.

Они с Дербником выехали до зари, как только узнали о хвори, что выкосила оба войска. Сокол надеялся отыскать княжну среди мёртвых тел. Он не побоялся заглянуть и в Ржевицу, объятую смертью и гнилью. Точнее, то, что от неё осталось.

Зденка бродила среди серых тел с луком наперевес, тоже высматривала – и ничего. Ни следа княжны. Пропала Марья вместе с Лихославом.

– Может, они сами ушли, а? – сомнение в её голосе переплеталось с отчаянием. Искать княжну по всему свету – дело гиблое. Вдруг она уже в Гданеце? Или в деревне какой?

– И не оставили весточки, – буркнул Дербник. – Я не тяну тебя за собой. Можешь вернуться в Хортынь или Гданец.

«Ещё как тянешь», – подумалось Зденке. Говорить это вслух она не стала, хватит с их сокола потрясений.

За прошедшую седмицу Дербник превратился в подобие человека: не спал, не ел, на Хорса не глядел, оттого и стал худым да бледным, с тёмными кругами у глаз. Сказал бы кто – не поверила. Не мог же перевёртыш *настолько* привязаться к княжне! Всей душой, ниткой к нитке, чтобы сама Мокошь ощущала их связь.

Впрочем, об этом лучше не думать. Иначе захочется взывать.

– С чего начнём-то? – Зденка растерянно взглянула на Дербника.

– Я бы отправился к Огнебужским, – выдохнул он. – Дорога-то теперь открыта.

– Ошалел?! – рыкнула и с трудом сдержалась, чтобы не ударить. Схватить за кудри – и о землю-матушку. Вдруг в голове прояснится после?!

---

[1] Древнерусский обычай: жена после свадьбы должна разуть мужа.

– Либо её нет на этом свете, либо она у них, – объяснил Дербник.

– Ага, и князю об этом никто не сказал, – ехидно заметила Зденка. – Подумай сам: таких гостей не прячут, особенно теперь!

Весь этот задум с поисками княжны казался бесполезным, но пойди объясни Дербнику! Нет-нет-нет, он жил с думами о Марье и не собирался сдаваться.

– Я бы вернулась в Гданец и расспросила Любомилу, – предложила она. – Ведунья видит больше нашего.

Дербника передёрнуло. Наверное, вспомнил Пугача, который нынче в милости у князя. Да и за побег не похвалят – скорее наоборот.

– Разыщем здесь ведуна, а? – задумчиво произнёс сокол. – Давай вернёмся в Хортынь.

Он собирался было подбежать к Берёзнику и заскочить в седло. Зденка успела – вовремя схватила за локоть и, оттащив в сторону, шикнула:

– Дерево у тебя вместо головы, да не Перуново, а простое! Какой ведун будет на тризну ворожить? Они ж все хмельные.

Дербника передёрнуло. Глаза, что мигом ранее загорелись от надежды, потускнели. Эх, беда-беда. Горе тому воину, который бежит следом за девкой, позабыв самое себя. И Зденка ведь не лучше. Вертится вокруг со злостью, а как отвернётся – так тоска начинает грызть.

Еле удалось уговорить Дербника, чтобы подождал и не рвался вперёд. Может, ещё объявится их княжна. Марья ведь беспокоилась о родной земле, из-за неё же полетела в Черногорье лебёдушкой, заглянула к мёртвым… А что, если мёртвые её и утащили? Не простили, что ступила в чужое княжество.

Тогда им нужен был не ведун, а волхв. Первый-то мог заглянуть в пламя да воду, расспросить землю и ветры. А волхв смотрел на изнанку полотна, что плела Мокошь-Мать. Нет, лучше сходить к обоим. Но сначала к ведуну.

Зденка повернулась к Дербнику. Того снова потянуло к хмелю. Пил да закусывал мясными пирогами возле чьей-то телеги. Девки на него заглядывались, краснели и перешёптывались меж собой. Тут-то хотелось злорадствовать: нет уж, милые, сердце сокола смотрело в сторону княжны. Другую не возьмёт.

– За леса да за поля, – затянул гусляр, присев возле широкого дуба. – пошли воины гулять, а там сеча да мечи, и земля от них кричит.

Мужики восприняли это как знак и разом сошлись в кулачной драке, оттеснив девок, детей и стариков подальше. Дербник оказался в гуще боя и, бросив вниз меч, принялся биться, словно тур[2]. Зденка замерла, ощутив тревогу и страх. До чего же жуткое месиво из молодцев! И все – как один – били друг друга, кто-то полушутя, кто-то – нещадно, желая выплеснуть боль. И глупый, бревноголовый сокол был как раз из последних.

– И рекой стекает кровь, поет-кормит всех ворон, – гремел голос, врываясь в драку. – Не теки, ой, не теки, воев лучше береги.

Дикая драка переходила в молитву богам. Оттого и мужики замедлились, перестав колотить друг друга. Довольные, они теперь обнимались и братались, как подобало витязям перед тяжёлой битвой. Зденка пыталась угадать среди них Дербника – да куда там: затерялся, пропал среди тел и криков. Ну то ничего, отыщется. Не помрёт же в шуточной борьбе!

Ей не помешало бы побеспокоиться о себе, ведь гадостно на душе! Мужики да молодцы сбили пыл, девки сомкнули руки и завели хоровод, причитая полупесни, полумолитвы, а Зденке чего делать? Она с охотой схватила кружку сбитня и лепёшку у купца. Хорошо хоть во время тризны снедь давали без платы. Хотя бы за это можно было поблагодарить Мирояра, который обязал народ помогать друг другу хоть в столице, хоть в глухой деревне. Впрочем,

[2] Дикий бык.

деревенские и без князя понимали: один человек поля не спашет и колосьев не соберёт, зато вместе да под песни – веселее и легче.

Зденка улыбнулась: как приятно жевать солёное тесто! Да и сбитень крепкий, славный, вроде горчит, но через миг становится так сладко, что аж зубы сводит. Правду говорят: от свежего хлеба и мёда тяжесть с плеч падает. Может, бросить всё и податься в деревню? Или к мельнику какому, чтобы месить, выпекать, мешать зёрна с лебедой от весны до весны?

Вспотевший, взъерошенный Дербник вынырнул рядом и жадно начал пить воду, черпая прямиком из лохани. Даром что её для умывания поставили! И вот как его такого оставить? Пропадёт, себя загубит из-за мнимой любви – а Зденке только и останется, что лук с тулом. И птичье тело.

– Ты права, – тяжело выдохнул Дербник. – Нам нужно найти ведуна.

– После тризны, – твёрдо напомнила она. – Хорошо, что ты голову остудил, иначе было б худо.

– Остудил, ага, – сокол горько усмехнулся. – Знаешь, меня чуть кровавый хмель не закружил. Прям как тебя тогда.

– Такое бывает, – пожала плечами Зденка. – Но ты справился.

Кровавый хмель отдавал чем-то звериным. Тело превращалось в извивающуюся сталь, что ранила и убивала, не зная пощады, да так, что не различаешь своих и чужих. Сытник повторял, что лучше отступить, чем позволить себе вскружить голову и положить всех, выкосить, как Морана-Смерть.

И Зденка иногда чувствовала его, но лишь в битвах с Дербником. На других она сильно не бросалась, не с таким жаром. Даже удивительно, что он ничего не понял.

А игрища закипали с новой силой. Молодцы разбрелись по разные стороны: одни бились, другие – прижимали к себе рыдающих девок. Находились и те, кто прятался за дубом или в кустах. Зденка же ела и отдыхала, понимая, что через день-другой придётся срываться в дорогу, если княжна не вернётся.

Хорошо бы выпросить у конюшего новое седло. Говорят, купцы снова поехали через большак к Черногорью, надеясь продать подороже всякого добра и набрать – нового. Были среди них и те, кто ехал за слухами или по приказу из княжеского терема. Зденка различала таких людей по позолоченному поясу и червонным рубахам. А как кривлялись, притворялись помощниками купцов или путешественниками! Смех один, да и только.

Она допила сбитень и побрела к Груше. Кобыла фыркала и недовольно косилась на шумный люд. Не нравилось ей гульбище. И правильно: лошади ведь тишину, тепло и покой любят, да приходится вечно встревать куда-то с хозяевами.

– Ты уж прости, – Зденка провела по лошадиной морде. – Придётся нам с тобой ещё немало побегать.

Груша тихонько вздохнула и наклонила голову, словно принимая свою горе-хозяйку и все те дороги, по которым им предстояло проскакать.

День отдыха после тризны – и начнутся поиски. Зденка не знала, что хуже – целую вечность искать княжну или найти и смотреть, как усыхает Дербник. Но выхода у неё не было. Не по сердцу всё остальное, а сердце – лучший указатель.

3.

Сварожин Яр встретил его тишиной. Дивосил остановился на окраине. Оставив Зорьку в конюшне, он направился в корчму. Полупустая, с покосившейся дверью и грязными лавками, она ничуть не обрадовала даже после холодной дороги. Тяжело было ездить зимой, Стрибожьи слуги остро били в бока, мороз забирался под кожух и выедал остатки тепла.

Спасибо Любомиле – сделала заговор на удачу и дала с собой янтарный камушек, что отпугивал огневих и прочие хвори, витавшие в зимнем воздухе. Ни одна не схватила за шиво-

рот, хотя пытались – плясали вокруг тенями, тянули когти, шептали на ухо, мол, останови коня, поспи немного, закрой глаза и позволь себе улететь туда, где медово и мягко.

Дивосил не сдался и пережил целую ночь пути. Лютую, нещадную, полную нечисти. Зорька чуяла её – то и дело вела носом, принюхивалась и недовольно фырчала. Иной раз хотела развернуться и понестись обратно. Приходилось вцепляться ей в бока и давить, вынуждая ехать дальше. Одно было хорошо – белоснежная кобылица сливалась с сугробами, поэтому Дивосила не могли увидеть издалека. Разве что княжеские птицы, но у них свои дела и заботы.

Несмотря на слова Пугача, он по-прежнему считал себя простым травником. Конечно, внимание Мокоши-Матери – великая честь. Дивосил понимал это, но никак не мог догадаться, чего от него хотела богиня. Они ведь, эти высшие, не говорили прямо – лишь знаками, загадками, намёками. Наверное, Пугач знал, потому и отправил его в Хортынь. Или хотел воспользоваться незнанием Дивосила.

Ай, да что тут поделаешь? В конце концов, и в Гданеце стало нестерпимо, гнило и кроваво. Может, так было всегда, всё же столица. Если так, то Дивосилу стоило держаться подальше. Любая землянка лучше терема на крови и костях.

Взять хотя бы корчму с засаленными лавками без рушников и одним-единственным столом. Сразу видно – держится на честном труде и слове. Тоже честном. По крайней мере, уж очень хотелось в это верить.

– Здоров, друже, – Дивосил обратился к корчмарю. – Найдётся у тебя еда?

Тот поглядел на кожух, подбитый мехом, на пояс с шитьём да на сапоги – и кивнул. Понял, что гость не обидит платой, будь там хоть шкуры, хоть монеты. Последних, впрочем, было маловато – Пугач дал ровно столько, чтобы хватило на путь в Хортынь. Любомила добавила ещё пару бобровых шкур, старинные бусы да кусок льняной ткани. Мол, чтобы не зачах и обустроился в тепле. Дивосил поначалу не брал, но ведунья зло сверкнула очами и пригрозила проклятьем.

Теперь он понимал, насколько Любомила была права. Мясная похлёбка с кусками репы и свежим хлебом позволила ему почувствовать себя живым. Мороз, забравшийся в кости, уступал место теплу. Дивосил жадно ел курятину, смачивал хлеб под задумчивый взгляд корчмаря.

– Как у вас в Яру-то? – прожевав, спросил он.

– Дак чаво рассказывать, – отмахнулся корчмарь. – Сам знаешь – голодно было, а теперича вот, купцы ездят, да и зима, поговаривают, не затянется, уж больно много на себя взяла Морана-Смерть.

По народу слухи расходились быстро. Находились люди, что связали пропажу Марьи, таинственную хворь и скорый мир воедино. А уж какая богиня занималась подобным – известно всем. Сам Дивосил ничего не мог сказать про княжну. Разве только то, что боги её отметили как-то странно, словно не Хорс с Дажьбогом благословляли, а и впрямь Морана.

Обычно ведь все княжеские роды славились удачей и раздаривали собственную одежду ближним, мол, бери, носи, и пусть тебя облетают стрелы и обходят враги. Тут обстояло дело иначе. Может, потому и пропала – отказались от неё боги, а злые духи, покусившись на кровь, взяли и загубили.

Но что один человек, хоть и княжеского рода? Куда больше Дивосила волновала хворь. Он вернул корчмарю опустевшую миску и тихонько спросил:

– А что, друже, ведьмы не беспокоят?

Корчмаря передёрнуло. Значит, угадал. Творились недобрые дела в Сварожином Яру, и всякий человек знал, что то были происки ведьм или обозлившихся чуров. Впрочем, ведьм поймать проще.

– Прокляли нас как есть, – вкрадчиво произнёс корчмарь. – И нас, и всё княжество прокляли, иначе б столько люду не померло! Только на этих нелюдов, на Огнебужских, никакой управы нет, да и князь наш с ними лобызается нынеча.

– Долго лобызаться не будет, – пожал плечами Дивосил. – А вот проклятие можно сдюжить, знать бы только чем.

– Говорят ещё, – продолжил корчмарь полушёпотом, – что кровь можно победить кровью, во! Задобрить проклятущую Смерть.

Дивосил нахмурился. С одной стороны, было в словах корчмаря верное зерно, ведь зачастую ядовитые травы служили избавлением от разных хворей. Нападёт огневиха – прогони жаром, плохо от полынной горечи – подожги веточку да обнеси вокруг дома, чтобы прогнать нечисть, которая терзалась сама и хватала людей. С другой же – кровью Смерть не насытить.

– Искать надо, – вздохнул Дивосил. – Траву, заговор какой, заклятье – да хоть что! Жертвами тут не поможешь. Вон уже сколько полегло – а толку?

– Ну, кто его знает, – махнул рукой корчмарь. – Всякое нынче говорят. Бабы рыдают, дети следом. Весны ждут, Ярилиного лучика да Лельника.

– Придёт, не пропадёт, – он улыбнулся. – Благодарю тебя.

Леля вызывала добрые и теплые воспоминания. Вечно молодая богиня возвращалась на землю раз за разом, рассыпала по ней нежные цветы, укрывала травинками, заставляла лёд трескаться и журчать, пробуждала деревья, превращая пышные снежные ленты воду. А она, талая и холодная, перескакивала с ветки на ветку, рассыпалась на солнце и впитывалась в корни. И так радостно, так медово становилось на душе у каждого, кто видел её, весну красну!

Тоска по ней появлялась в первом месяце зимы и росла до приходила Ярилы. Дивосил уловил запах догоравшей лучины и понял, что выходить наружу совсем не хочется. Он снова обратился к корчмарю и попросил ночлега. Разумеется, за отдельную плату. Тот охотно согласился и решил обустроить дорогого гостя за горницей, там, где хорошо ощущался жар печи, но не было еды, которую можно было украсть.

– Если чаво понадобится, то зови, не боись, – корчмарь улыбнулся. – Во дворе служка бегаеть, можно и его дёргать.

По его взгляду Дивосил понял: сдерёт с три шкуры за любезность, расспросы и сам ночлег. Всё-таки Сварожин Яр находился неподалёку от Гданеца, а потому люди здесь должны быть ушлые, охочие до чужих вещей и наживы. Впрочем, не жалко, лишь бы всякому роду жилось сытно.

Дивосил рухнул на лавку, устланную покрывалом, и довольно улыбнулся. Тело разморило, да и езда по морозу отняла слишком много сил. Сон – самое то, а после – снова на Зорьку, в неудобное седло. И неясно, что будет впереди, лишь бы обошлось без крови и смертей.

Нельзя, нельзя так! Всё человеческое протестовало и кричало о жестокости. Стоило ли служить таким богам? А зачем, если жертв становится всё больше? Как вынудить их перестать? О, Мокошь-Мать, почему ты отдаёшь столько ниток под лезвие серпа?! Где, где хвалёные плоды да благословения? Разве люди – простые, радующиеся первым росткам и колосьям, – заслужили голода и крови?

С этими мыслями Дивосил провалился в сон, настолько крепкий, что не почувствовал, как чья-то рука прикоснулась к его лбу и ласково провела по коже, убирая сбившиеся пряди. Не услышал он и мягкого женского шёпота:

«Ах, пшеничный мальчик, что ты знаешь о богах и их боли? О плаче Матери, что вынуждена отдавать малое ради большего?…»

II

. Прикосновение Смерти

Создала тебя из костей и жил,
Из ростков осота, ветвей берёз,
Обернула мраком ту часть души,
Где мир мар начало своё берёт.

Создала тебя – чтобы пела мне,
Чтобы тьму запрятала под ребро
И носила гордо в земле огней,
Помня: сила эта погубит род.

1.

Предавшему чародею не место под светом Дажьбога, и Лихослав понимал это. Ещё тогда, на пиру, он знал, что придётся уходить в чужие земли. Не потерпит его Мокошь – переметнулся ведь, сломался под давлением её сестры. И Велесу Лихослав был противен – не зря волчья шкура чесалась и немного жгла.

Жизнь в изгнании, в землях Мораны оказалась ничуть не хуже. Никакой нечисти, кроме мар и теней, шума, сплетен, а самое главное – людской злобы. Только и знай, что помогай обрезать нити жизни да подсказывай Марье, чего от неё хочет богиня. Вот с последним, кажется, Лихослав справлялся плохо.

Язык в иномирье заплетался и из мыслей создавал загадки. И писалом по бересте не напишешь – всё равно извернётся, вместо прямых строк выйдут косые и запутанные. Сказал вот про имя – и только потом понял, что Марья, наверное, и не вспомнит далёкого детства.

Это он глядел сквозь покров из теней, как умирающая княгиня не велела называть дочь другим, тайным именем, как просила князя и нянюшек покляться, что те назовут девочку иначе, по странной, иноземной вере, и один раз. Криков было много – нянюшки рыдали и умоляли Мирояра нарушить слово, но ничего не вышло. А Марья что? Она ведь ничего не знала, хоть и удивлялась, когда обнаруживала, что у многих два имени.

Неудивительно, что её забрала Морана. Беззащитную, не познавшую саму себя, с великим родом. Лёгкая добыча. Это с ним-то, Лихославом, пришлось промучаться, запрятать на целых триста лет, чтобы слился с тьмой в одно целое, а тут легче. Неразумное дитя есть, осталось вырастить и вскормить.

Шипение теней выбило все мысли. Мгла завилась вокруг, встала перед ним кудрявым деревом и позвала за собой. Неужто богиня призывает? Ай, не время задумываться – Лихослав молча шагнул в темноту и почувствовал, как колючки обхватывают тело со всех сторон. Кожу покалывало, на плечи будто упало огромное дубовое полено, голова загудела. Тяжело, но дышать и идти можно.

Мгла раскрывалась и стелилась – и всё для того, чтобы позволить ему сделать прыжок из одной части терема в другую. Теперь Лихослав видел очертания лестницы, отблески рез вдали, а ещё слышал крик Марьи, нечеловеческий, жуткий, как будто княжна превращалась в чудовище.

Находясь на полпути, он зашептал защитное заклятье, что отпугивало поющих во мраке. Пришлось поднапрячься и вложить в слова побольше силы, чтобы наверняка получилось достучаться до Марьи. Лихослав догадывался, что её губили собственные думы, а точнее – собственная мгла. Вот тебе и второе имя. Лишь бы сама додумалась, лишь бы смогла понять…

Очутившись рядом, он схватил княжну и положил ей руки на голову. Растрёпанная, испуганная, Марья то кричала, то замолкала, а в затуманенных глазах отражался ужас. Что же она такое увидела? Может, тени пошутили? Или Морана?

Ладони обожгло. Жар шёл от княжны и тянулся к Лихославу, но то было не Дажьбожье благословение, не людская сила. Он назвал бы это разорванной мглой. Как если бы Мокошь оторвала кусок от своего полотна и бросила его в Сварожий огонь. Как неведомая хворь или злоба с болью.

Он не знал, как справляться с подобным, поэтому просто попытался осушить, выпить жар, подменить его холодом – и пусть остывает, спит в тишине и покое, пока не придёт в себя, что бы это ни означало.

На лбу выступили капли пота. Лихослав усмехнулся: он ведь и позабыл, каково быть живым! А пламя напоминало, потихоньку расползаясь внутри и разбиваясь на огоньки. К счастью, они не стремились проесть нутро, а просто сливались с чернотой и напоминали о далёкой человеческой природе.

Лихослав надеялся, что и Марье придётся по душе его сила. Скорее всего, другого выхода у княжны не останется – уже приняла и упала на пол, убаюканная темнотой. И правильно, хватит с неё пока. И без того почти превратилась в нежить.

Он бросил взгляд на истрёпанную верхнюю рубаху, на перепачканный подол и взъерошенные пряди – и подумал о том, насколько далеко от родной земли находилась Марья. А ведь эта связь могла бы подтолкнуть её к ответу!

Лихослав растянул губы в усмешке, радуясь собственной догадке. Связь с землёй – это не просто нить, это ещё и говор, одежда, каменья на нитках, обрывки бересты. Он мог бы показать княжне куски той жизни и напомнить Марье о роде. Эх, до чего же занятное и одновременно тоскливое дело!

Но волю Матери нельзя было подвергать сомнениям, по крайней мере, на её земле. Прогонит – и что будешь делать? Стоять на коленях перед кумиром Мокоши? Гнуть спину и бить поклоны Велесу? Лихослав знал, что боги его не простят. Они не жаловали перебежчиков, да и испытание на целых триста лет было не из лёгких. Уж чего-чего, а этого он не готов простить.

Тени подхватили Марью и понесли в постель. Заботились, а как же! Лихослав осел на пол и выдохнул. До жути захотелось свежего воздуха. И воды. Холодной, родниковой, что поднимала на ноги мёртвых и прогоняла хворь. О, как славно коснуться источника и почувствовать, как звенят и бьются струи, рассыпаясь звёздами во все стороны.

Лихослав сглотнул и поднялся. Ноги сами понесли в лес. Головой он понимал, что среди мёртвых корней и колючек вряд ли найдётся ручей, но душа звала, просила сходить и убедиться. Никому от этого не будет худо, в конце концов.

Тени качнулись в недоумении, мол, куда ты собрался, разве ж можно? Да только Лихослав не стал их спрашивать – прошёл через порог и ступил прямиком в чащу, не по тропе, а наискосок. Прямая дорога всегда вела обратно или к миру живых. Мать усмехнулась бы и махнула кончиком серпа напоследок, мол, хочешь вырваться – ступай, да только помни, что недолго тебе ходить под Хорсом.

Лихослав перепрыгнул через вывернутый корень. Толстый, вьющийся, он напоминал неведомове чудовище, которому отрезали несколько голов. «Шеи» заканчивались шипами. Возможно, мёртвое дерево так показывало свою горечь и тоску по былым временам, когда оно росло и радовало живых, питалось от матери-сырой-земли и не знало никаких бед.

Шаг – и снова корень-чудовище. А за ним ещё тьма таких же. Лихослав прыгал, перелезал, нагибался, чтобы не удариться. Вдали возвышались пышные кроны, словно в насмешку над своими умершими собратьями. Он бросил взгляд на землю, надеясь увидеть там хоть что-то, листок или травинку – и замер, поняв: часть каждого вывернутого корня уходила в землю.

Под ней мёртвые деревья сплетались в одно, и этот чудный узел соединялся с живыми. О боги, светлые и тёмные!

Лихослав помчался сквозь чащу, моля Мать, чтобы та позволила ему увидеть правду и показать её Марье. Сухие корни будто обозлились и начали нарочно рвать одежду, подцеплять кафтан. Он касался колючек, ругался, поскальзывался и шипел. Иногда помогало имя Матери – тут даже мёртвая земля уступала, а изворотливые корни сами уходили вбок и не стелились под ноги.

В конце концов, Лихославу удалось добраться до пересечения – и, боги, оно того стоило! Знакомая тропка стелилась далеко-далеко, прячась за бескрайними чудовищами. И каждое из них казалось единственным в своём роду. Вывернутые то так, то эдак, мёртвые деревья змеились, а их ряды заканчивались на одном громадном корне – белоснежном, гладком, живом. К нему же тянулись смарагдовые и огненные кроны с разных концов леса.

Корень тот был толщиной в пару теремов, а может, и больше. Он тянулся вверх, уходя в небо, в Перунов Ирий. Лихослав обернулся и присвистнул: а терема-то Матери не было видно, как будто шагнул сквозь ткань миров и заглянул за полотно Мокоши. Вот ведь диво! И источник, иначе не скажешь.

От корня шёл мягкий бледный свет, а ещё – сила. Не грозная, воинская, а будто ласковая, словно касание Ярилы или Лели. И так хорошо стало на душе, что Лихослав замер. Мать? Марья? Разве это имело значение, когда перед тобой – первозданное создание, лишённое мрака и всех тяжестей.

Он прикрыл глаза, отдаваясь потоку тепла. Медовая песнь потекла по сердцу волнами, успокаивая и убирая всю ту боль, которую ему пришлось испытать. Может, то была Алконост или Сирин? Кто знает! Птица ли, само дерево – неважно. Скорее сила. Она пела и разливалась источником, и не было на свете воды лучше, свежее этой. Будто замёрзшую душу закутали в меха и уложили в постель, наказав отдыхать. Или витязю, что скитался много лет, указали дорогу домой, привели, усадили за стол и принялись кормить-ласкать.

О, Лихослав не мог прервать её. Он заслушивался, упивался радостью – и забывал. Растворялся в журчащем ручье, теряя всё то, что держало его на земле. Тяжёлое. Стальное. Давящее.

Ноша, что сжимала плечи, почти свалилась. Оставалась какая-то капля – собственное имя, чародейство, боги. И это тоже вот-вот ушло бы, но крик Матери, злой, отчаянный, прервал песню и заставил проснуться.

2.

Голова болела, трещала, как старые доски, лишая покоя. Дивосил схватился за лоб и замер в страхе. Он горел. А в горло словно насыпали игл. Только этого не хватало! Не помогли обереги. А может, хворь давно проникла внутрь и выжидала нужного мига? О боги, боги, за что же вы так?…

В корчме пахло мёдом, печёным мясом и хлебом. Оно и немудрено – за столом расселись витязи. Корчмарь ходил довольный и потирал руки. На радостях он угостил Дивосила яйцами и репой. И даже не обратил внимания, что гость пошатывался. Это хорошо, иначе – быть беде: разрастётся тревога по двору и тогда хворь схватит кого-то ещё. Ненасытная, мерзкая, выпивающая силы.

Дивосил жевал и думал: что он мог сделать без трав? Сплести заговор, прогнать жар и кое-как добраться до Хортыни. Сильно ли он поможет Пугачу? Вряд ли. И хворь принесёт не абы куда, а в город, к княжне, если та жива и здорова. Нет, нельзя ехать дальше.

А витязи спорили, да всё сильнее и жарче, глядишь – подерутся. Сквозь жгучий туман и слабость Дивосил слышал обрывки и удивлялся. Нет, не с друг другом они ругались, а с одним человеком, что не был воином, но путешествовал с мечом и, по его же словам, многое повидал.

Человек этот кутался в громадный тёмный плащ с меховым воротом и вкрадчивым голосом вещал о другом боге, светлом, словно Хорс, но едином и презирающим духов.

– Да как же это, – один из воинов не выдержал – вскочил на ноги и навис над чужеземцем, – собственный род предать?! Чуров бросить?!

Корчмарь замер. Витязи с одобрением взглянули на своего собрата.

– Все роды едины, – пожал плечами тот. – И люди все от одного корня идут.

Это возмутило воинов, но бросаться толпой, да ещё на безумца, они не стали – лишь выволокли из-за стола со смешками:

– Вот пусть твой бог тебе набивает живот!

Дивосил поманил его к себе. Не столько из любопытства, сколько из жалости. Не хотелось, чтобы человек, путь и глупый, оказался на морозе без пищи. Незнакомец присел рядом и одёрнул плащ. Отдалённо он напоминал коршуна: крючковатый нос, впалые щёки и прищуренный взгляд. И глаза – недобрые, колючие, похожие на медово-полынный отвар: вроде нужный, полезный, а вроде и горький до зубного скрежета.

– Меня зовут Бажен, – заговорил он. – И теперь я вижу, что тот, кто указал мне дорогу сюда, сделал это не зря.

– Ты о чём? – Дивосил сглотнул и ощутил, как волны жара накатывают с новой силой. Пришлось ущипнуть себя за ладонь.

– Ты одержим злом, – покачал головой Бажен. – Оно въелось в твои кости и губит душу. Мне велели ступать в эту сторону… Нет, не так: в эти земли. Понимаешь, – он нагнулся и всмотрелся в лицо Дивосила, – сердце моего наставника обливалось кровью, когда он узнал, что вы позволяете злым духам повелевать собой и ставите их выше всего.

Бажен понёс какую-то чушь, где смешалось всё – от князя Мирояра до Марьи, которая «стала ещё одним корнем мрака и пустоты». Дивосил успел пожелать о своём выборе – он собирался доесть и отправиться в постель, подальше от этого безумца и его рассуждений, но его дёрнули за руку и заставили сесть обратно.

Бажен зашептал странные слова. Было в них что-то знакомое и одновременно чужое, будто птичий клёкот смешивался с ударами тяжёлого молота. Он разобрал лишь «сядут одесную его и скажут… nie ulękniesz, ani zarazy, co idzie w mroku, ni moru, co niszczy w południe[3]».

Дивосилу казалось, что голова разорвётся. Жар окутал тело, на ладонях выступили капли пота – и стало холодно. Мороз пробрался под кожу и выедал всё живое, требуя ещё тепла. Он кашлял, надеясь вытащить хворь, – и мысленно просил Мокошь о заступничестве. Жаль, богиня не отзывалась, да и куда ей, ткущей Матери, смотреть за одной-единственной нитью.

Шёпот Бажена накладывался поверх жара. Неведомая сила теснила хворь. Её потоки то становились жидким железом, то превращались в россыпь шипов. Дивосил не сразу понял, что чужестранец выдавливал духа, гнал его злыми словами, смешивая неведомое и ясное, а ещё он использовал собственную душу. Не скидывал хворь на вещь, не пытался спрятать её в землю, а принимал в себя и раздавливал по капле.

Бажен тоже вспотел. Багряные глаза выпучились и полезли на лоб. Но самым удивительным было то, что у него получилось – жар спадал, туман в голове рассеивался, а к телу возвращалась жизнь.

И чем больше, тем сильнее проступало недоумение. С чего бы незнакомцу идти на подобную жертву ради Дивосила? Где был его разум? Отчего он играл с хворью так, уже встречался с ней?

– Ты, – он сглотнул, – кто ты такой?

Бажен тяжело вздохнул и произнёс:

– Всего лишь божий слуга.

---

[3] Отрывок из 90-го псалма.

– Чей? – Дивосил прищурился. – Чьему богу ты служишь?

– Единому, – отрезал Бажен и тут же продолжил: – О, я знаю, что у тебя много вопросов, но не лучше ли теперь отдохнуть? Мы оба перенесли нелёгкое испытание.

Стыд когтями впился в душу. Точно! Чужеземец помог Дивосилу, прогнал хворь, рискуя собственной жизнью, а он вместо того, чтобы отблагодарить, заподозрил Бажена невесть в чём. Выглядело гадко, ощущалось ещё хуже. К счастью, тот ничуть не смутился – напротив, расплылся в улыбке.

– Я не напрашиваюсь, – продолжил Бажен. – У меня есть кров, хотя я боюсь, что злой дух вернётся. Любят они, знаешь, – он замер и посмотрел Дивосилу в глаза. – О, тебя они определённо любят.

– С чего бы? – он коснулся обережной вышивке и призвал на помощь Мокошь-Мать. – Я умею защищаться.

Травами, заговорами, снадобьями – всем, чем приходилось ранее. Правда, на неведомую хворь он управу пока не нашёл.

– От силы одного рода нужна сила другая, – при этих словах Бажен помрачнел. – Истинная. Истинного бога, понимаешь? Единого.

Мысли зашевелились в голове, да столько, что та разболелась опять. Дивосил был благодарен Бажену, но не понимал и половины. Не был ли тот в самом деле полоумным? Может, боги отняли у этого витязя разум, но даровали силу? Ворожбу? Или его вынудили пройти через какой-нибудь чародейский обряд, отчего Бажен сошёл с ума.

– Я не понимаю тебя, – пришлось честно признаться. – Но всегда рад тебе. Мы можем поговорить, – Дивосил закашлялся. В груди полыхнула боль и сразу погасла, позволяя понять: хворь над ним всё ещё властна.

– Boże chroń nas[4], – прошептал Бажен.

Неясный, шипящий язык, который напоминал путаные речи степняков, пугал и отталкивал, но выбора не оставалось. Чужемезец мог помочь, научить прогонять зло другими заговорами.

– Ты можешь остаться у меня до вечера, – предложил Дивосил. – Я хотел бы узнать побольше о словах, которые ты используешь против хвори.

– О, – усмехнулся Бажен, – эти слова могут спасти многих. Потому-то я и еду к вашему князю. Он должен понять, понимаешь? – он заговорил так горячо и быстро, словно дело было важное и незамедлительное.

Дивосил слушал про далёкие земли, что стелились между степями, с другой стороны княжества, про веру, которая снизошла на народ и позволила им увидеть истинный свет, про тьму, чьи семена прорастали в их княжестве из-за жадности и беспощадности богов. И чем пламеннее лились слова Бажена, тем сильнее он понимал: Пугач вместе с дружиной погонит этого безумца подальше, а то и вовсе опозорит, наказав раздеться и пробежаться по улицам Гданеца голышом.

Возможно, Бажен и впрямь верил в своего бога, был ему предан, так, как Пугач – Тёмной Матери, и уж что-что, а это – не его вина, но прийти к чужакам, сунуть нос в их уклад – всё равно что напороться на меч или гору стрел. Либо засмеют, либо убьют, иного не дано.

Когда Бажен закончил, Дивосил попросил у корчмаря немного бересты и писало. Тот здорово удивился, но не стал перечить. И правильно – на ссору сил не хватило бы. Другое дело – спасти жизнь безумцу, который сам не понимает, что лезет в пасть зверю.

Борясь с тяжестью и усталостью, Дивосил схватился за писало и начал выводить буквы, тщательно, виток за витком, чтобы Пугач понял его настойчивость:

[4] Боже, храни нас (польск.)

«Брате, этот человек спас мне жизнь и прогнал лютую хворь, что чуть не отправила меня к чурам. Возможно, у него есть сила, способная спасти народ. Впрочем, в этом я могу ошибаться, но, прошу, не губи ему жизнь. Во имя Мокоши-Матери!»

3.

К позднему вечеру гульбище стихло. Чтобы не ночевать посреди большака, народ пополз в сторону Гданеца и остановился в ближайших деревнях. Дербнику не хотелось заворачивать за тын, да только выхода не было. В конце концов, не покосят же их всех?

Хоть деревня и пустая почти, полуразрушенная. Где крыша покосилась, где окна забили досками, а где от избы остался только сруб или – груда щепок. Те немногие дома, что уцелели, охотно принимали путников, надеясь на щедрую плату и долгий разговор.

Они со Зденкой еле нашли место в сенях, забившись в самый угол, между мужиками, что продолжали провожать погибших, разливая брагу. Подрумянившиеся, весёлые, с грязными бородами и измазанными грязью кожухами, те рассказывали о последних слухах, да всё больше о девках дивной красы.

Дербник лишь качал головой и устало вздыхал. Вот уж тёмный народ, глупый, не видевший красоты Гданеца и боярышень. Что там какая-то мавка или крылатая берегиня!

– Поймать бы её, – мечтательно вздохнул чумазый… судя по всему, купец, малый, беднее столичных. – А там и дело сделается, а!

– А ты вона чо сделай, – заговорщицки заговорил другой, – возьми бабью рубаху, которая кровью измазана, вымани из пруда – да накинь! И твоя будет!

– Ты чего?! – возмутился первый. – Берегиню – и в дом? Оно-то, конечно, к радости, да только сёстры-то её проклянут, воем затянут назад! Не, брате, то гиблое дело! Среди живых жену искать надо.

Живые, мёртвые, чистые и нечистые… Всё шло кругом и лишало покоя. Дербник с рыком вскочил и выбежал во двор, растолкав мужичьё. Тьфу! Только и думают о том, как бы умыкнуть девку покраше да получше. Гадость.

А снаружи луна – зимняя, волчья, злая – отражалась на снегу и отгоняла мрак. Сугробы сияли, словно иноземные ткани, легчайшие, тонкие и завораживающие. Казалось, коснёшься – и распадутся, упорхнут стаей мелких птиц в далёкие края. Это сияние напоминало Дербнику о Марье.

Кто бы мог подумать, что у ясной княжны окажется несгибаемая воля? Он-то, глупец, всё не верил, думал – повернут, не доехав до соседней волости, а ведь вышло иначе. И где теперь Марья? Где чародей? Уж не он ли наслал мор и отдал витязей в руки злой Мораны? Не оттого ли они пропали? Эх, знать бы наверняка!

Дербник прошёлся по двору. Снег захрустел под ногами. Кони, стоявшие неподалёку, оживились. Вот ведь забота – жевать сено и ждать, пока тебя оседлают. Без воли, зато и жизнь проще, яснее. А в людской всё туманно, болотно: идёшь по зову сердца – и проваливаешься на дно.

Он хотел было дотронуться до лошадиной морды, но замер. Невесть почему снег в двух локтях от Дербника начал таять с журчанием. Кони встревожились и хотели заржать, да только налетевший ветер связал их рты.

А вода свивалась в круг, лужу с целый колодец и переливалась смольно-синим. Он положил руку на меч и сглотнул. Хорошо, что хватило воли остаться на месте и подождать. Мало ли какое чудище пытается пробраться из глубин земли?

Маленькие волны разбивались о сугробы и перекатывались. Лошади забили копытами, да только Стрибожьи слуги закричали сильнее, не позволяя тем прерывать что-то. Обряд? Проклятье? Пробуждение?

Наконец, из водных глубин показалась русалка, бледная, с впалыми щеками, кудрями ниже пояса и в промокшей рубахе. Нечисть нечистью, да только очи – о, ради этих очей сгинул

бы не один витязь! – пылали жаром, просили подойти и протянуть руку. Вот уж действительно – неземная краса!

Дева вод глянула на Дербника. Губы её зашевелились – и в тот же миг в голове зазвенело, забили водяные струи, что превращались в слова:

– Велесов слуга, твоя дорога лежит во мрак, но мрак не хочет брать тебя живым. Не ищи путей, которыми ходит Мать, не ходи за Её детьми, не касайся сокровищ, что тебе не принадлежат.

Внутри всё забурлило, нагреваясь. Дербника скрутило от боли, будто кто-то чужой сжимал и разжимал кости. Он закашлялся, ловя ртом прохладный воздух. А русалка лишь издала смешок и исчезла. Застыл и водяной круг. Чутьё подсказывало, что он попросту покроется коркой льда, а наутро мужики будут гадать, отчего среди двора иноземное чудо, что некоторые зовут стеклом. Только настоящее, зимнее и хрупкое.

Дербник осел на сугроб. Перед его глазами всё ещё находилось жуткое лицо девы вод. Показалось ли ему, что русалка была уставшей? Вряд ли – ведь всякая нечисть спала и не могла пробудиться аж до Лельника, а тут будто выдернул сам Водяной или кто постарше. А может, то был морок? Не решил ли кто подшутить над ним?

О, сколько дум! Дербник взял в ладонь горсть снежинок и протёр лоб. Не бывает зимой русалок, но до чего же дивной она казалась! Значит, надо идти к ведуну и с него спрашивать. Мало ли, вдруг проклятая земля насмехается, пытаясь погубить живых витязей?

Он встал и отправился назад. Стрибожьи слуги отпустили перепуганных лошадей, и те подрагивали от ли от холода, то ли от страха. А в сенях мужики спали, напившись хмельного варева. В стороне ворочалась Зденка, сжимая в руках налучье. Это правильно. Среди чужаков нельзя расставаться с оружием.

Дербник прилёг сбоку. Сено зашуршало. Кто-то из мужиков выругался и отвернулся, не желая выныривать из сна. Сова изо всех сил стиснула налучье и прошептала:

– Не позволю. Дербник… любимый!

Дремоту, что тихонько прокрадывалась в разум, вмиг снесло. Он широко открыл глаза и глянул на Зденку. Уж не решила ли она пошутить? Станется ведь с такой! Но нет – её ресницы были опущены, да и плечи оставались расслабленными. Дербник прислушался к дыханию: замедленное. Всё-таки спала.

Неужели Зденка… О нет, не могло такого быть, они ведь брат и сестра. Он помнил птичник, игрища, вылазки с княжеской дружиной и послания, которые надо было донести на крыльях. Зденка при нём купалась, ничуть не стесняясь, когда не оставалось другого выхода, подстригала косу или заплетала абы как – и никогда, никогда не пыталась показать что-то иное. Как вот Марья, у которой взмах руки мог указывать на надежду, робкую, противоречащую всему, но имеющую право на существование.

В сенях было холодновато и сыро. Мужики храпели, Зденка посапывала. Дербник жевал соломинку и не знал, что думать и как поступать. Понимала ли она собственных чувств? Вряд ли – ведь Сову всегда направляла злоба, порой почти детская и странная, граничащая с обидой на неизвестно что. Точнее, теперь-то ясно: глядела то на Марью, то на себя – и рычала. Потому что не княжна, не в рубахах с сияющими каменьями. Да Дербник даже представить её такую не мог! Это всё равно что Пугача в бабью одежду вырядить!

Уж тут не до слов русалки. А может, как раз Зденка и постаралась? Не зря она пытается отговорить его, почти кричит: «Не ищи княжну!» Ещё и увязалась за ними, чтобы следить, просыпаться и видеть, что они ни на шаг не сблизились или выскакивать прямо посредине, грозя пальцем, мол, нельзя, вы чего. Неудивительно, что не признавалась! Он-то, глупец, думал, будто Зденку Пугач надоумил, а оказалось… Ох, лучше бы это был Пугач!

Дербник прилёг на сено и повернулся спиной к Сове. Это её «Любимый!» стояло в ушах и вызывало нехорошее, колючее чувство. Страх. Желание сбежать и больше никогда не смот-

реть в глаза. Найти Марью и посвататься, прилюдно, чтобы видели все и знали: вот его выбор, другого не будет. И пусть Зденка смотрит, пусть её ломает пополам от боли, такую злую, неприветливую и лживую, пусть корчится.

«С такими думами дорога тебе именно что во мрак», – усмехнулся Дербник.

Он будет искать Марью и однажды отыщет, а там – хоть весь мир проваливайся!

III.

Принятие

1.

Бажен отправился дальше, оставив Дивосилу вырезанный крест, «лик Спасителя-мученика», как сказал напоследок. Мол, спустился один-единственный в нижний мир, принял на себя всё зло и очистил проклятые души. Врал, скорее всего – чуры-то остались, да и победить Морану никто не мог, иначе бы миропорядок рухнул.

Зато на душе полегчало. Хворь отступила после долгого сна. Расплатившись с корчмарём, он поздоровался с Зорькой и запрыгнул в седло. Жаль её, конечно, да что поделать – не идти же пешком по морозу, оставив лошадь в тепле.

Они понеслись по большаку, мимо снежных покрывал и дальних ледяных горок, в которых угадывались крыши изб. Дивосил оставил крест в котомке, что висела у седла, и сам думал: мог ли Бажен понять что-то не так? Он ведь выглядел безумцем и говорил путано, странно. Витязи прогнали его, посчитав неразумным, но ведь сила, сила-то какая!

Наверное, ему осчастливилось увидеть Мокошь-Мать, которая спускалась к своей сестре, или богиню Ладу, что шла будить Лелю, и от этого яркого, сияющего зрелища разум Бажена повредился, а тело впитало искорки сил, исходивших от богинь. Не зря ведь говорилось, что «познавший высших непременно сойдёт с ума, если не будет готов». Даже волхвы обращались к богам через варева, огонь и всякую ворожбу – и то некоторые со временем теряли голову. А тут – простой человек, иноземец, витязь.

Но почему именно крест? Вот ведь загадка! Две палки, наложенные друг на друга, не были похожи ни на человека, ни на зверя. Не было там и резов, по которым всякий человек мог понять, что перед ним – не простая вещь, а часть ворожбы.

Мороз щекотал, забирался под кожу, сперва легонько покалывал, а через лучину разошёлся вовсю. И Стрибожьи слуги налетели, закрывая дорогу. Зорька заржала, встав на дыбы, Дивосил сжался и попытался осмотреться. Пропали белоснежные грибы-избушки, по полям и большаку отплясывали злые духи. Они кричали, кололись, щекотали и морозили, пытаясь выпить все силы до последней капли, вместе с душой.

Сбоку мелькнул едва видимый костерок. Надежда или ловушка? Ай, нет времени думать! Он направил лошадь к огню, вымаливая у богов хоть крупицу удачи. О, Мокошь-Мать, лишь бы не морок! Дивосил будет рад любым людям, живым и тёплым.

Волна ветра ощутимо хлестанула по щеке. Уши ныли, кобылица недовольно ржала, пятясь подальше. Больно, жутко, гадко. Приходилось сжимать бёдра и направлять лошадь вопреки её воли – туда, в рой режущих снежинок и холода. Выхода не оставалось – костерок еле-еле проглядывался сквозь метель.

Их несло то в одну сторону, то в другую. Дивосил, словно слепой, цеплялся за молитву богам и едва шевелил губами, нашептывая защитный заговор. Не помогла ворожба Любомилы – видать, схлынула после хвори. А может, лишь благодаря ей и оберегам он всё ещё не упал в сугроб, а лошадь ступала дальше, пробиваясь через вой и острые когти духов, что тянулись из самого сердца бури.

В какой-то миг костерок и вовсе исчез. Растворился за белой пеленой, оставив после себя неизвестность и скорую погибель. Дивосил почувствовал тонкое лезвие серпа у шеи и, отчаявшись, криво, косо, повторил заплетающимся языком слова Бажена:

– Nie ulękniesz, ani zarazy, – он запнулся и напряг разум, вспоминая обрывки звенящих слов. К удивлению, вспомнил и продолжил, выдавливая каждое: – co idzie w mroku, ni moru, co niszczy w południe…

Лезвие пропало. Словно рука, которая держала его, обожглась о чужую ворожбу. И правильно, так ей и надо. Пусть грызёт деревья, мёрзлую землю и бродит подальше от всего живого.

Облегчение падало на плечи постепенно, по капле, пока Дивосил приближался к костру и вглядывался в сидевших вокруг него людей. Они не были похожи на охотников, скорее купцы, судя по набитым сумам и меховым кожухам. И пара витязей с мечами наперевес. Последние как раз насторожились, завидев Дивосила. Оно и понятно: бледный, холодный, перепуганный, да ещё и из метели вышел. Ну точно нежить!

– Береги вас Перун, – поздоровался он.

Воины мигом обнажили мечи и встали, окружив его Дивосил устало вздохнул, спрыгнул на сугроб и протянул руку к лезвию.

– Дай доказать, – прошептал, – моя кровь человеческая и сам я человек.

Витязь держал его на расстоянии клинка, но позволил порезать ладонь о самый край. Боль кольнула тело, на коже выступили алые капли. Он остался доволен: теперь-то чужаки примут и позволят отогреться.

Что и произошло. Узнав, что он не нежить, воины пригласили Дивосила к огню и предложили угоститься жаренной курятиной и мёдом. Живот противно зарычал, давая красноречивый ответ.

– Меня называют Лыком, – начал было первый купец, – дорога зимой долгая, через костры и посёлки, оттого мы едем вместе.

– Меня кличут Дивосилом, – честно признался он. – Я еду из Гданеца в Хортынь.

Незнакомцы переглянулись. В воздухе повис немой вопрос, но объясняться Дивосил не пожелал. Мало ли – может, среди чужаков затесался чародейский прихвостень? А может, узнав про его связь с Пугачом, они захотят собственных выгод.

– Нам по пути, – задумчиво сказал Лыко.

– Должно быть человек, который отправил тебя в такой путь, желал твоей смерти, – хмыкнул второй. – Я Остромир. Мы с Лыком из одного рода, хоть и стоим вдали от друг друга.

– Я могу не спрашивать, – спокойно отозвался Дивосил. – Вы вправе не называться.

В глубинке, за пределами Гданеца, верили, будто чужак способен навести порчу или проклясть целый род, особенно, если он появился невесть откуда, да ещё в недоброе время – из осеннего леса, в ночь на Купалу, посреди пшеничного поля в жару, подобно полуднице, или из-под снежной завесы.

Дивосила не обижало их недоверие – напротив: он был благодарен за то, что подпустили к костру и дали поесть, хотя могли бы просто убить и оставить посреди большака.

– Тот человек, – он запнулся, задумавшись, как бы получше описать Пугача, – действительно жесток. Для него будто не существует человеческих жизней. Будто они, понимаете, не так важны, как его служба.

Наверное, преклоняться перед Тёмной Матерью и впрямь было нелегко. Морана требовала от Пугача жестокости, хитрости, проворства – и всё ради того, чтобы спокойно шёл её тропами и оставался живым. Остановишься, смалодушничаешь, покажешься мягкосердечным – умрёшь.

– А, знавали таких, – махнул рукой Остромир. – Вечно пытаются выслужиться перед воеводой и попасть на глаза князю. А много ли нынче от князя зависит, а?

Лыко одёрнул его – испугался, что сболтнёт лишнего. Дивосил кивнул и добавил:

– Мало кто может одолеть морозы и Смерть. Даже князь не сильнее богов.

Сказал – а сам удивился. Как сильно он верил в Мирояра, когда приехал из Ржевицы! И где теперь та вера? Сгинула после бойни, с лёгкой руки Пугача. А может, и раньше. Князь не вступился, когда его бросили в поруб, не остановил Совет, за которым стояли Огнебужские – ничего он не делал, а просто выжидал из собственного страха. Хорош ли такой правитель? Вряд ли, да только другого не сыскать.

Дивосил рассматривал Лыка и Остромира и радовался за них. Разрумянившиеся, сытые, они очищали русые бороды от жира и шутили друг над другом. Витязи выбрасывали кости в снег и ухмылялись. Хорошо, когда люди веселились посреди зимы, и не за тыном, а тут, в пути. Наверное, Морана в ярости, да только ничего не сделает.

Дивосил украдкой достал из своей котомки деревянный крестик и, перекинув через узелок верёвки, прикрепил к оберегу. Теперь точно не совладает! Не коснётся её серп человеческой шеи. И слова Бажена, хоть и непонятные, помогали. Возможно, молитвы иноземца справились бы даже с хворью.

– Чегой-то у тебя? – Лыко заприметил оберег и, прищурившись, всмотрелся в плетение. – О, как! Брате, а он ведь из знающих!

– Знающих? – переспросил Дивосил.

– Только не отнекивайся, – тот цокнул языком. – В этих землях мало кто носит крест. Князь, конечно, прогнал иноверцев с позором, но княгиня-то, – Лыко перешёл на шёпот. – Жаловала она их, вот. Оттого её наши боги и покарали.

– Я немногое знаю, – пришлось признаться. – И не понимаю, если по-честному. Этот оберег мне оставил старый друг, но он мало что говорил.

Дивосил не сразу понял, что навлёк на себя ещё больше подозрений. Лыко и Остромир ничего не ответили, зато красноречиво переглянулись и продолжили догрызать кости. Скорее всего, они знали, о чём шла речь, но вот беда – он вынырнул из метели, едва доказал, что человек, истинных намерений не раскрывал, а тут ещё и крестик. О боги, его знакомцы были вправе подозревать неладное! Уж лучше бы помалкивал.

– Что говорил-то? – спросил витязь, с интересом уставившись на Дивосила.

И он начал рассказывать. Про хворь, Сварожин Яр и Бажена-иноземца. В конце концов, хуже уже не будет.

2.

Неясная тревога разбудила её. Как будто небо разорвалось пополам молнией. Марья вырвалась из сна и села в постели. Всё ещё мёртвые земли и тишина. Гнетущая, злая. Такая обычно прятала неподалёку змею или врага. Тени, завидев её, растворились, хотя никуда не исчезли – сторожили незаметно, стелясь цепными псами у ног или стражей вдоль стен.

Марья оглядела руки, рубаху, выбившиеся из косы пряди – вроде цела. Только в голове сумрак, переливы мглистого и червонного – тягучей тьмы и силы, не её, чародейской. Лихослав поделился, желая спасти от зла. Да, то было истинное зло, со звериной личиной, не знавшее ничего человеческого. Марья не заметила, как оно проникло в голову, начало потихоньку подменять её думы своими, направлять в иное русло и закрывать то, что могло спасти.

Осталось ли это чудовище внутри или исчезло? Она не знала. Но оставаться в княжестве Смерти не следовало – мало ли, что ещё в душу заберётся? И так уже ходила бледная да испуганная. Надо бы найти Лихослава, поблагодарить да расспросить. А ещё поесть. Тут тоже без чародея никак. Не обращаться же к теням самой! Одной лишь Моране известно, что у них на уме и есть ли вообще тот ум.

Марья вышла из опочевальни и побрела по лестнице. Резы, украшавшие ступени, дрожали и переливались золотистой рекой. Разгадывать их не было сил – позже. Сперва передохнуть, пройтись хотя бы по терему, заглянуть в подклеть, если позволит эта чернь – а дальше уже думать.

Над витой лестницей висели оленьи рога и змеиные шкуры, самые разные – от тонких, точно лента, до толстенных и громадных, с воинов кулак. Питомцы? Добыча? Кто его разберёт! Морана не посвящала людей в свои тайны. Марья даже не знала, её ли это терем – может, остался после какого-нибудь существа, которому не повезло оставаться живым среди мёртвых. Как тому же Лихославу.

За лестницей тянулись другие опочевальни, закрытые, да не на замок, а на заклятия – яркое плетение пересекало каждую дверь. Лишь тени могли проходить через них. Томился ли там кто – Марья не знала. Проверить не помешало бы.

– Ау! – изо всех сил закричала она. – Ау! Лихослав! Чародей!

Ответа не было. Не слышал? Ой вряд ли. Сколько раз появлялся из ниоткуда, а тут вдруг молчал! Она нахмурилась и позвала ещё раз:

– Лихослав! Где ты, проклятый?!

Тени заколыхались вдоль стен. Уж эти-то наверняка знали, куда делся чародей, но говорить не спешили. Марья вздохнула и собрала всё своё мужество. Придётся-таки заговорить с нежитью, а после и вовсе довериться.

– Ну, чего смотрите? – обратилась она к ним. – Если знаете, где он, то покажите. Или мне целый век меж вас колобродить?

Прислужники Мораны указали ей на порог, за которым прятались сени. Марья покачала головой и пошла к выходу. Вопреки всем законам, писаным и неписаным, больше всего света было именно здесь, где кончался терем и начинался двор. На полу клубилось золотистое пламя, то расстилаясь покрывалом, то забиваясь в углы.

Оно позволило пройти Марье и остановило теней, что шли за спиной. Они замерли, затем зашептались на неясном языке и принялись потихоньку расползаться за пределами сеней. Боялись, видать. Разная природа была у солнечного огня и мрака, который был вынужден оставаться в доме. Интересно, почему? Что ответила бы Морана? «Не твоё дело, людская княжна!» Или…

Ай, чего морочить голову? Марья минула двор и приблизилась к краю леса. Вечно осенний, выжатый, вынужденный умирать целую вечность. И как тут, спрашивается, найти Перуново дерево? Издевалась богиня, не иначе.

Она тяжело вздохнула: загадка не давала покоя. Ещё и чародей пропал. Не во дворе же затаился!

– Лихослав! – крикнула Марья в надежде, что он не успел уйти далеко.

Тишина. Только едва-едва зашелестела прелая листва. Вот, княжна, ходи да ищи ветер в поле. А всё почему? Потому что не сиделось под крылом отца! Испугалась, что от земель ничего не останется, глупая.

Марья ступила на тропку, что вилась меж деревьев, и решительно зашагала вперёд. За спиной со скрипом сомкнулись смольные ветви. Тонкие верхушки вытянулись аж до самого неба, оставив ей крохотный серый кусок – чтобы не спотыкалась. А кусты, словно в насмешку, дёргали за верхнюю рубаху, пытаясь выдрать хоть немного. И хохотали, хрипло так, недобро, как вороны во время пира.

Странно ей было и зло. Вспоминался весь проделанный путь. Сколько сил выпила езда в седле! До сих пор спина болела, а кости нехорошо хрустели. Уж после такого подвига боги должны были наградить её, дать мира и покоя. И без кучи смертей! О, Марья хорошо запомнила груды тел и дым, что шёл от деревень. Неужели нельзя было иначе?

– Лихослав! – она повторила с раздражением. – Если слышишь, то появись, чтоб тебя!

Сколько ещё придётся бегать и искать невесть что?! Успокаивать сердце надеждами, кормить обещаниями, что осталось немного потерпеть – и всё сладится, будет лучше, чем прежде.

Марья топнула ногой от досады и заплакала. Переживая за княжество, за людей, она пересилила саму себя. А та бойня переломала сердце, показав, что не стоило бежать и пытаться. Кто его знает, может, земель и вовсе уже нет? Время-то текло иначе, чем на живой земле.

Озноб прошёлся по коже, заставил её вздрогнуть и вспомнить, как медово жилось в детстве. Тогда ещё отец поддерживал шаткий мир, принимал у себя гостей от соседних княжеств и советовал Марье присматриваться к молодым княжичам и выбирать жениха порумянее, «чтобы был добрым витязем, плечистым, крепким, точно скала». Только такой мог защитить земли и обратить врагов в бегство.

– *Тятя, я ведь тоже могу возглавить княжество,* – предположила когда-то маленькая Марья. – *Обязательно ли мне разувать кого-то?*

– *Ах, девочка,* – покачал головой отец, – *ежели тебя оставить одну, то дворяне силком за своего выдадут. Или Совет. Лишь могучий воин или чародей может им сопротивляться.*

Марья не была ни воином, ни чародеем – к обоим ремёслам не лежала душа. Что уж таить нечисть в омуте, она и брать на свои плечи целое княжество не сильно хотела! Или нет?

Она остановилась. Тропка завела её так далеко, что исчез бледный свет – лишь его проблески прорывались сквозь высушенные, точно чучела, кроны. Чародея здесь не было. И никого, кроме Марьи.

Злая тишина давила на уши, усиливала тревогу, заставляя вслушиваться в трепет собственного сердца. Отчего ей вдруг вспомнилось детство? Да, она не желала быть княгиней – по крайней мере, тогда. Знала, что соседи могут пойти войной в любой миг, станет голодно, бедно, а злая чернь во всём обвинит их род и скинет, растерзав князя. За цветущие земли, полные могучих воев, и переживать нечего. Хочешь – правь сама, хочешь – дели власть с мужем.

Марья усмехнулась: ей нравились эти думы. Что, если вернуться в Гданец с Лихославом и использовать чародея заместо щита? Она даст кров, сытую жизнь, он же посеет страх. Ни один боярин не посмотрит криво на княжну, что водится с таким могучим человеком (а человеком ли?).

Марья настолько утонула в мыслях, что перестала замечать, как исчезли следы света, а земля – зашевелилась, выплёвывая наружу оковы из теней. Паучьим плетением они обвивали тело княжны, впитывались в кожу и шептали на разные голоса. Первозданная сила, что пряталась на глубине её сердце, вторила им и из ведомой превращалась в ведущую – ту, которую будут слышать и слушать.

Марья плавала в мечтах, видя, как становится гордой, несгибаемой княгиней, идёт по головам бояр, а живых держит за горло, чтобы не вздумали пошевелиться и сломить её. Ах, она ведь так долго взывала к старшим! И что получила? Ничего! Ей помог, разве что, истрёпанный, бедный перевёртыш – а могла бы приехать в это поганое Черногорье вместе с советниками и поговорить с чародеем через ведунью! Уж кто-кто, а Любомила сторговалась бы как следует. Глядишь – и воины выжили б.

Всё могло быть, да только Марью бросили одну – и вот она стоит посреди леса, кличет Лихослава, не знает, куда поворачивать. А может, и чародей оставил её и отправился к живым. Никого не было. Кроме хозяйки этих земель.

«Ты должна познать Мать», - вспомнились слова Лихослава.

В самом деле, что ей ещё оставалось? Только Морана могла дать силу и свободу, выпустить из чащи, переправить в Гданец. Воины почитали Перуна, своего заступника, купцы – Велеса, иные же – Тёмную или Светлую Матерь, Морану-Смерть или Мокошь-Прядильщицу.

– *Ты есть всё,* - тихо сказала Марья и сразу же поморщилась, почувствовав боль в груди. Мгла заполняла её, проникая в самые дальние уголки души, перекраивала их, да так тонко, что она едва чувствовала перемены. – *И я принимаю Тебя и Твою волю.*

Мгла служила тканью, на которой Мокошь выводила стежки. Она могла создавать из неё свет, солнечный и лунный, деревья, людей, зверей, птиц, реки – всё, что пело и дышало жизнью.

Но сперва был лишь мрак, из которого вышли боги. И эта первобытная сила вонзилась внутрь Марьи, чтобы сломать её и одновременно сделать сильнее, как того требовала Тёмная Мать.

3.

Поток ледяной воды вырвал Лихослава из медового сна. Он резко раскрыл глаза и уставился на небесную синеву, с правого края которой виднелся Хорсов плащ. А на землю падали лучи Дажьбога, бледные и едва тёплые. Но куда больше удивил мужик, стоявший с ведром воды наперевес.

Лихослав осмотрелся: покосившаяся изба, старый хлев с курами и стогом сена. На нём-то он и лежал. Вокруг бегали дети – пара девочек с тонкими косицами да мальчонка в поношенной рубахе. Сам мужик тоже выглядел небогато, разве что поверх грубой мешковины висела гривна[5].

– Ты чей будешь? – хмуро спросил мужик, расправляя плечи, широкие, крепкие. Кулаки у него тоже были под стать.

Он вздохнул и принялся отвечать, медленно, подбирая каждое слово:

– Мой род давно сгинув. Я всего лишь хожу по земле да смотрю на люд.

– И как, – хмыкнул мужик, – насмотрелся?

– Извини, – пожал плечами Лихослав. – Я не хотев обижать тебя. Сам не знаю, как занесло сюда. Помню вечор, – он запнулся, вспоминая, как назывались хмельные да разгульные места, – в корчме. И девок.

– Э, да кто же пьёт посреди седмицы? – покачал головой мужик. – Видать, вечер у тебя был славный! Я, к слову, Милонег, из рода кузнецов.

– Славко, – соврал мгновенно. – В моём роду любили заниматься травами.

Он поднялся и сразу поморщился. До чего же занемела спина! И в ногах совсем не было силы. А может, земля его не принимала. – всё-таки чародей-предатель. Только как так вышло, что Лихослав покинул Мать и очутился среди живых? Понять бы!

Милонег пригласил его в дом и наказал жене подавать на стол. Должно быть, слова про корчму и хмель всё прояснили. Дети тоже забежали в горницу и принялись просить у матери мёда и молока, на что та шикала, мол, не при гостях же! А хозяин лишь довольно усмехался и поглаживал пышную бороду.

Вскоре на столе появились пшеничная каша да мочёные яблоки. Лихослав услышал запах и осознал, насколько был голоден. О, будь благословенна пища, дар матери-сырой-земли! Он охотно принял угощение и принялся есть. Хозяйка тем временем принесла ещё и кваса, чтобы «прояснилось в больной головушке». Переживала, ишь ты!

Он жевал и думал о гневе богов. Мокошь наверняка увидела его нить на полотне. И зоркий глаз Перуна заметил чародея. Возможно, ещё не решили или выжидали. Как бы там ни было, Мать не станет его спасать, уж тем более от сестры. Поговорить, что ли? Сходить к капищу, поклониться и расспросить. Но тогда жизнь Лихослава точно оборвётся.

«Разве то погано? – рассуждал он. – В тебе была непривычно довгая жизнь… Долгая, да. И с долгами».

– А ты зачем в столицу-то приехал? – продолжил Милонег. – У нас купцы словно повредились головой: на один день несутся за детинец, а на другой из страху носа не кажут.

Так его занесло в Гданец? Ох и любят же боги шутить!

– И чего? – поинтересовался Лихослав. – Разве у вас не настал мир?

– Э, такой мир хуже войны, – проворчал тот и, оглядевшись по сторонам, перешёл на шёпот: – Князь наш совсем взбесился. Говорят, из-за пропавшей дочки начал людские жертвы

[5] Украшение, знак отличия для воинов.

богам приносить, мол, верните кровинушку, иначе всех перережу. Во как! А советники его стращают похлеще чародейских прихвостней. Кто чего не так скажет – сразу в поруб!

Взошли семена – ничего не скажешь. Вот тебе и скорый мир. Лихослав запивал кашу квасом, наслаждаясь запахом хмеля. Еда и сытость соединяли его с землёй и людьми, не позволяли оторваться и улететь в думы о Моране. Если он здесь – значит, зачем-то нужен, а зачем – поймёт сам.

– Потому ты ушёл со службы? – Лихослав указал на гривну. Всё-таки не было для витязей дела милее ратного. Это не изменилось даже спустя триста лет. Или сколько там уже минуло? Нет, лучше не представлять, а то снова голова пойдёт кругом.

– Когда-нибудь поведаю, – отмахнулся Милонег. – Не держись наш князь за ворожбу… Ай! – он отвернулся к приоткрытому окну.

Солнце катилось, точно громадный блин посреди ярмарочного полотна, только необычного, голубого. На нём выступали пушистые облака, что едва прикрывали Хорса и наливались золотом. Внизу же серебрились крыши изб и улицы с протоптанными дорогами. Снег не переставал хрустеть, да и гул за широким тыном не стихал. Хорошо хоть рядом с лучиной посадили – мокрые пряди быстро сохли, а тело согревалось.

Лихослав рассказывал Милонегу про травы, стараясь не казаться *слишком* знающим – а сам думал: куда податься? Уж не в княжеский ли терем? Примут его там, голубчика, далеко не с радостью, если вспомнить, почему разгорелась война. А может, люди изменились? Всё-таки триста лет, мир! Он-то выберется даже из поруба. Чары при нём, волчья шкура – тоже, если Велес собственными руками её не сдерёт.

За тыном раздались шаги, и много, будто целая дружина подходила к избе. Милонег тяжело вздохнул, дети замерли. Лихослав заглянул в приоткрытую створку и ахнул: несколько витязей с мечами и налучьями стучали в дверь.

– Спрячься в клеть, может, – начала было его жена, но тот так грозно посмотрел на неё, что стало ясно: скрываться не станет.

– Открывай, собака! – раздалось с улицы.

– Открой, – спокойно повторил Милонег; затем он повернулся к Лихославу и тихо заговорил: – Ты гость и можешь уйти в любой миг. Лучшего теперь не сыщешь, уж прости, что выпроваживаю так скоро.

Лихослав ничего не ответил – лишь остался на месте в ожидании. Интересно, чем провинился витязь? Не стал подчиняться князю или?…

А ещё он заметил, что лучина потихоньку догорала, новую ещё не воткнули в светец и мрак расползался по стенам, выплетал паучьи сети, создавая коконы с силой, едва осязаемой, но знакомой. Лихослав знал, что будет дальше, и его это очень забавило. Всё-таки не зря он оказался именно здесь!

Княжеские витязи прошли через сени в горницу и замерли у порога, рассматривая Милонега и его, «дорогого гостя».

– Чародейским прихвостням не место в Гданеце! – громогласно произнёс воин, стоявший впереди всех. Стало быть, десятник или кто он у них там? Как вожак у волков, иными словами.

– А чародеям? – весело спросил Лихослав и прошептал заклятье.

Витязи тревожно переглянулись, а затем решили схватить обоих, да только ничего у них не вышло – стены горницы превратились в одну сплошную жижу, из которой выглядывали звериные лапы. Эти-то лапы их и схватили, кого за руки-ноги, кого за горло. Дети замерли от страха, Милонего с удивлением осмотрел Лихослава. Казалось, глаза его вот-вот выпадут и покатятся по полу.

– Я не соврал тебе, – начал он. – Меня можно звать и Славкой, и Лихославом Проклятым. Ты добрый человек и дал мне пищу, за это я помогу тебе.

– Вр-рёшь, с-собак-ка, – задыхаясь, выдавил витязь.

Тут Лихослав не выдержал и захохотал, звучно, весело и зло. Надо же – впервые за долгое время он столкнулся с неверием.

– Чары никогда не врут, – произнёс сквозь смех. – Если хотите, я пойду с вами и сам предстану перед князем. В обмен на Милонега и его род, конечно.

Это была огромная уступка, не столько ради хозяина дома, сколько для забавы. Вернётся в княжеский терем с дружиной, как пленник – а после станет гостем или сбежит. После всего, что было три века назад!

Старший витязь понял, что сила не на их стороне, и едва заметно кивнул. Мгла мигом растаяла, а за ней оказались простые деревянные стены. Не веря своему счастью, воины принялись ощупывать их. Кашляли они жутко, кого-то аж стошнило.

Лихослав усмехнулся и, пожав плечами, вышел во двор. Следом потянулись воины, испуганные и осознавшие собственную беспомощность. И хорошо, пусть боятся. То ли ещё будет, а! Всё-таки не зря Мать отправила его в Гданец, ой не зря.

IV

. Пробуждение

растворится в зелени шёпот волн и заставит боль изнутри молчать, пусть сто раз над ней разнесётся вой, но не дрогнет вышитая печать, лесом льдов обняв чёрный лик огня, сделав жизнь мертвее всех звёзд и лун.

слишком поздно будет себя менять, если впустишь в сердце седую мглу.

Из авторского стихотворения

1.

Они возвращались в Хортынь без лишних разговоров. Дербник сторонился Зденки, заговаривая то с купцами, то с витязями. Стоило ей подъехать поближе – уводил коня или доставал яблоко и надкусывал – показывал, мол, не видишь, ем. А меж тем она замечала, как Сокол зыркает исподлобья, разглядывает, а потом поёживается и отводит взгляд. Как будто укусил кто!

Зденке и сама было бы рада впиться в чужое горло – уж слишком крепко засела обида. Чем она не угодила Дербнику? Отчего он отмалчивался и боялся приблизиться? Может, догадался-таки? Да нет, не могло того быть! Сколько вёсен вместе – и ничего, даже мысли не промелькнуло. Бревноголовый же.

Зденка погладила гриву Груши и устало вздохнула. Беспокоился Дербник не о ней и даже не о княжестве. Все его мысли занимала одна-единственная молодица, пропавшая без вести. Признавать это было тяжело, больно и грустно. Но она раз за разом проводила лезвием по сердцу, будто наслаждаясь.

Иной раз глянешь на Дербника, кудрявого, статного, с бородой, подстриженной на скорую руку – и душа затрепещет, попросил быть рядом, и неважно, что получается больнее. В одиночестве ещё хуже.

Впереди вытягивались горы, становясь всё крупнее, грознее и чернее. Они состояли из острых выступов и заканчивались шипами, что впивались в облака. У подножья рваными кусками стелился снег. Хорошо хоть метели не было – не пускали скалы Стрибожьих слуг, да и Морана, говорят, по этой земле ступала неохотно и поскальзывалась на каждом шагу.

Зденка вспоминала зиму в Гданеце: как лепили комья снега, проваливались в сугробы по самую макушку, подкладывали в сапоги куски овчины, чтобы не заледенели ноги… О, какое то было время! Страшное и весёлое. Холод пробирал до костей – сбитень согревал. А однажды им пришлось соскребать кору, чтобы было чем черпать похлёбку, сваренную наспех. Тогда буря застала их на большаке. Еле спаслись, спрятавшись у перелеска!

Жаль, что Дербник смотрел на Марью, так, как никогда – на Зденку. Она бы многое отдала за этот взгляд – хоть тул с налучьем, хоть жизнь. Лишь бы по своей воле, а не привороженный или хмельной.

– Ты нынче уж больно хмурый, – решила обратиться сама, спокойно и будто бы небрежно. – Не захворал ли?

Дербник качнул головой, прикусил губу и, наконец, ответил:

– Сама знаешь, почему моё сердце беспокойно. Не ковыряй рану, и без того болит.

Зденка поморщилась и отвернулась. Как мечом по сердцу! У неё тоже и болит, и ноет, да так, что выть порой хочется. Того и гляди – не сипухой обернётся, а волком. А Дербник тем временем отшучивался, мол, влюбился в девку из Гданеца, да жаль, пришлось покинуть. А ведь любить обещал до погибели, пока нить не оборвётся!

– Велика беда! – засмеялся витязь, сопровождавший купцов. – Любовь может быть одна, а полюбовниц – как звёзд на небе. Не помирать же от тоски из-за одной девки! Да и где она, эта лебедица твоя? Далече – отсюда и не увидать.

– Не могу я, – отрезал он. – Обет дал, понимаешь? Словом поклялся, чарами. Так поклялся, что на других смотреть противно, аж живот выворачивает.

– Э, то тебе ещё спелых ягод не попадалось, – усмехнулся другой воин. – Девки – что волны реки: вроде переливаются по-разному, в одной Хорсово лицо, а в другой – тени Мораны, да природа у них одна, одинакова, во.

– Нет, – поспорил Дербник. – Та краше всякой, из особых вод соткана.

Витязи лишь пожали плечами, мол, чего взять с влюблённого глупца. Силком такого в мыльню не потащишь, к чужому подолу не притянешь. Хочет тосковать и ходить меж люда волком – пусть. Никто тут ему не поможет.

А Зденке от этих речей становилось хуже. Как ни пыталась вслушиваться в фырканье Груши, хруст снега под копытами лошадей, мужицкий хохот – а всё равно долетал голос Дербника. Слышала она в нём и восхищение княжной, и грусть небывалую, и мучение. Этот бревноголовый Сокол, наверное, и не представлял, насколько сильно понимала его Зденка.

– Что мужичьё немытое в любви да жалости смыслит, – бросила она, тоже как бы невзначай. – Им хмель да мёд подавай, и румяных девок побольше. Ночью зальются соловьями – а к рассвету растают навями.

Гомон прекратился. Дербник вздрогнул, точно от пощёчины. Зденка хмыкнула и наказала Груше резво побежать, минуя коней. Сердце глухо застучало, забилось тяжёлым камнем, что застрял в рёбрах и мешал свободно дышать.

– Не поминала бы ты навей, девка! – донеслось вслед. – Времечко-то тёмное, лихое, всякое может статься.

Хоть навей, хоть Марью, хоть саму Морану-Смерть. Последняя пришлась бы кстати – полоснула бы по горлу лезвием, оборвала нить, увела за собой во мрак – и всё, покой на долгие вёсны.

Груша ушла далеко, обогнав скакавших впереди витязей. Стих мужицкий смех, да и кони, казалось, замерли, оставшись за поворотом к Хортыни. Вот уже и подножие гор расстилалось чёрной смолой, присыпанной сверху серебристой россыпью. Зденка не выдержала – обернулась и не увидела ничего, кроме белёсой бури, дикой и колючей.

Стрибожьи слуги налетели на путников и отрезали их от гор и городской стены, что едва проглядывалась за полями и перелеском. Желание ринуться туда прошлось пламенем по телу, но она сдержалась – заметила, как пляшут среди выбеленных бусин мглистые тени, как шипят, обнажая клыки – и поняла: не внутрь лезть надо, а в гору, ковырять проклятые каменные глыбы и грозить им.

Зденка мигом спешилась и, одной рукой поддерживая поводья, принялась доставать стрелу из тула. Острый наконечник обжёг ладонь холодом – и пусть. Усмехнувшись, она склонилась над горой и принялась выцарапывать сталью тонкие резы по мёрзлой земле, по снегу, знак к знаку, чтобы вышло сильное, крепкое плетение.

Будь её воля, Зденка разобрала бы гору по камешкам, изрезала, дорвавшись до кровоточащей сердцевины – и вырвала её со звериным рыком. Где-то там, в метели, находился Дербник. Сокол, выбравший княжну. И ладно, не больно-то хотелось сидеть в избе да прясть рубахи! Лишь бы выжил. Не за того ухватилась лютая Морана, ой не за того!

А метель позади плясала всё ярче, громче. Зденка старалась держать себя в руках, повторяла: «Не бежать, не смотреть, не пытаться помочь стрелами». Куда ей, если витязи не сдюжат? Не-ет, она соединяла резы и кусала губы, молясь всем богам сразу. Хоть бы помогло, хоть бы сработало.

Как только закончила с кругом, гора глянула на Зденку тьмой[6] очей, бледных, полных удивления и любопытства. Они отзывались на чары, опускались светлыми всполохами к пла-

[6] Тут как число.

менеющим резам и таяли, точно льдинки по весне. Но не тех, не тех звала Сова – других, что кружили метель и морозили молодцев.

– Сюда, – звала их Зденка. – Сюда, проклятые!

Её слышали, да не могли. Преграда? Чужая ворожба? Кто посмел?! Мало крови, что ли, пролилось? О, как разозлилась она на духов!

«Ради кого стараешься? – шипел изнутри голос, нехороший, гадкий. – Служки Марьиного? Он ведь даже ласково не глянет, не то что обнимет! Брось, Сипуха, брось Сокола! Не быть ему твоим!»

– Может, моим он и не будет, – грустно усмехнулась Зденка, глядя, как тени слетаются к кругу. Манила их сила, звала, как мать – неразумных детей. – Лишь бы живым был.

Клёкот снежинок смешивался с вскриками мглы. Круг звал – и тянул изнутри силы, всё светлое, что было соткано Мокошью, оставляя лишь боль и разошедшиеся швы. Ран на душе хватало, и всё Зденка латала кое-как, наспех, чтобы не кровоточило. Обещала себе однажды разобраться да посидеть с Любомилой пару вечеров, скинуть боль на осину или закопать в землю, но никак не получалось найти нужный миг. А теперь оно разорвалось и захлестнуло, волна за волной, удар за ударом – и каждый раз Зденка едва слышно хрипела.

Она обернулась, чтобы увидеть, как метель потихоньку отступала, а витязи – замёрзшие, уставшие, но живые – приходили в себя. Тут-то и поняла: всех спасла, а её саму кто спасёт? Не Дербник, не чужие витязи. Разве что боги, те самые, жестокие, что сперва покинули их народ, а после вернулись и выкосили добрую половину воинов.

На сердце стало ещё горше. Устав сдерживаться, Зденка зарыдала. Громко, надрывно, с криком, таким, что, казалось, услышали аж в нижнем мире. И тьма вопила вместе с ней, добавляя к боли – злобу. Её детям это нравилось, оттого и резы горели ярко, точно кострище в капище, и всполохи тряслись в воздухе.

Метель превратилась в мглу и кинулась в круг, желая растерзать поганую девку. И ладно. Так даже лучше. Зденка распахнула руки навстречу. Она улыбалась, готовясь принять скорую смерть, и неважно, что из самой сердцевины вихря показалось лицо княжны.

2.

Дербник замер, боясь поверить собственным глазам. У подножия горы, за сплетением рез, стояла Марья. Нет, не просто стояла, а придерживала Зденку за плечо и поглаживала по голове, точно убаюкивая. Сквозь несколько локтей доносился нежный, чуть вкрадчивый шёпот:

– Тише, Сова, тише. Погляди на бурную реку, коснись рукой, почувствуй, как замедляются волны и перестают бешено бить о берег. Дыши через раз, Сова…

Он мало что понимал – скорее всего, княжна вспоминала заговор, успокаивающий перевёртышей. Бывало такое, что захватывал кровавый хмель – и всё, сплошная пелена, а силы много, так и рвётся, выплёскивается наружу, разрывая кости. И не помнит человек ни себя, ни друзей, ни кого-либо ещё. Зденку часто заносило, особенно рядом с Дербником. Эх, глупец, знал бы, в чём дело – держался бы подальше!

Витязи сперва не признали Марью. Оно и понятно: мало кто видел княжну Моровецкую. Ещё и его пытались остановить, мол, оставь девок, не связывайся, а то мало ли – возникла чуть ли не из горы. Но Дербник никого не послушал – рванул вперёд, боясь, что Марья окажется мороком и растает через миг-другой.

Но нет – медовый шёпот становился всё громче, да и Зденка понемногу приходила в себя. Таял испуг на её лице, а появлялось – удивление. Ещё бы! Он и сам мало что понял: посреди дороги на них налетели Стрибожьи слуги, голодные, острозубые, да как принялись рвать и метать, заполоняя всю дорогу! Дербник успел смириться с погибелью, но через треть лучины метель растворилась, а впереди появилась княжна, что держала выбившуюся из сил Зденку.

Он остановил Берёзника возле Груши и спешился. На сестру-Сову Дербник глянул мельком, а вот Марья… О, Марья показалась ему великой княжной, перед которой жаждали склониться и люди, и духи. Она казалась сотканной из самоцветных каменьев: по верхней рубахе – багряной, налитой кровью – расползались золотистые нити, сплетались в дивные узоры, из-под подола выступали расписные сафьяновые сапоги, а густую косу украшали тонкие солнечные нитки с вишнёвыми капельками. Ну точно сам Хорс поцеловал!

Такой ясной и статной Дербник не видел Марью даже в Гданеце. Она же усмехнулась и сказала:

– Ну вот и свиделись, Сокол мой ясный.

– Княжна! – он поклонился. – Откуда ты?

Марья промолчала. Зденка же отстранилась от неё и начала отряхиваться. Только теперь Дербник заметил, что она сжимала в руке стрелу наконечником вниз.

– Он запер тебя в скале, да? – пробормотала Сова. – Вот ведь чародей, чтоб ему там чихалось!

– Да, – осторожно начала княжна. – Лихослав сотворил страшное лихо! А потом, – её плечи дрогнули. Дербник подорвался было, готовясь снять с себя кожух, но Марья остановила его и покачала головой. – Не надо, друже. Мне тепло. Пойдёмте лучше в город.

Ну конечно! Она ведь наверняка хотела поесть и поспать. Неизвестно, что сделал с ней проклятый чародей: держал ли без хлеба, посмеивался ли, а может, чего похуже. От этих мыслей у Дербника вскипела кровь. О, найти бы Лихослава! С каким удовольствием он покажет ему, насколько ловок и могуч сокол!

– Погоди, княжна, – Зденка прищурилась. – За спасение благодарствую, но не могла бы ты надрезать палец?

Дикое желание разорвать её прямо здесь и спросить за всё остро кольнуло грудь. Как она, простая птица, смеет сомневаться в Марье?! В той, что спасла и явилась на зов? Ярость заклокотала в горле, и Дербник открыл было рот, но княжна прервала его порыв:

– Хорошо, – и коснулась рукой наконечника стрелы. Зденка так и не спрятала её в тул. Видать, подозревала недоброе с самого начала.

На коже выступили багряные капельки. Убедившись, что перед ними человек, а не злой дух, Сова улыбнулась и забралась в седло. Дербник с радостью подхватил Марью и пустился в дорогу. Разрумянившаяся княжна с интересом глядела по сторонам и, кажется, была счастлива.

Он тоже трепетал, чувствуя, будто едет не с человеком, а с богиней Лелей, вечно молодой, ясной, хохочущей. Благодаря ей появлялись первые листочки на ветках, пробивались травинки, просыпалась Мать-сыра-земля, убаюканная завываниями Мораны.

Правда, пахло от Марьи не весной, а поздней осенью – спелыми яблоками, опалой листвой, мхом и грибами, а ладони её оставались холодными. Ну да ничего, отогреется, переждёт зиму в тепле, а весной будет как настоящая Леля. После стылых-то пещер всякому будет нелегко.

В спину били голоса зимы, злые, гадкие. Дербник чувствовал голод этих тварей. О, до чего же сильна в них жажда тёплой крови! Чуяло сердце: не поймали их – схватят других, что будут менее осторожны. Да что тут сделаешь? И так ведь всякий путник знал: если отправляться в дорогу, то только с оберегами, толстыми шкурами и свиным жиром – чтобы в пути не оголодать толком. Остальное – не его дело.

Крылья – не птичьи, иные – несли Дербника вперёд. Он горделиво расправил плечи, с трудом сдерживая весёлый смех. Давно душа так не радовалась, не пела, разрываясь от оживших надежд и предвкушения.

Марья молчала – лишь задумчиво смотрела вдаль, на заснеженные поля, что расстелились перед воротами Хортыни. Ну да ей и не нужно было говорить – Дербнику хватило одного взгляда и пары касаний, чтобы понять: княжна ему по-прежнему доверяет.

А ведь сомневался в глубине души – чуял нутром: что-то изменилось в Марье. Уж не помутилась ли умом в заточении, не утонула в отчаянии? Дербник верил в княжну, но боялся спросить, да и может ли он спрашивать? Нет-нет, лучше смотреть со стороны.

Зденка неслась сбоку, стараясь не отставать. Её подозрительность тоже смущала. Головой-то Дербник понимал: разная нечисть бродила зимой, не зная покоя. Мало ли среди неё беспокойных духов, что принимали обличье человека? Да только княжна оказалась настоящей, а Зденка всё равно косилась недобро. Из боязни ли, из неожиданного появления Марьи – непонятно.

А в Хортыни народ вовсю гулял, даром что волчье время. Всё провожали умерших да встречали долгожданный мир. Кто с покоем, кто с облегчением, кто с радостью, кто с опасением. Витязи у ворот узнали Дербника, на Марью глянули с опаской – и всё же впустили.

Едва минули посад, проехавшись по главной улице, как княжна произнесла:

– Довольно!

Он остановил Берёзника, сжав в руках поводья, и с удивлением посмотрел на Марью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.